Синдром отличницы

Автор:
Елена Ромова

Синдром отличницы

Елена Ромова

Звезда Рунета. Про любовь

Я и подумать не могла, что любовная интрижка с красавчиком из университета принесет одни лишь проблемы и станет отправной точкой для череды событий, изменивших мою жизнь. Мне пришлось не только переехать – и куда?! – на другую планету, смирить гордость и стать стажером настоящего изверга – самого изощренного изверга! – но и избавиться от вечного комплекса – синдрома отличницы.

Елена Ромова

Синдром отличницы

© Елена Ромова, текст

© ООО «Издательство АСТ»

Пролог

Лимма Лессон. Этакая отличница из университета Катригана.

Ситайка, но только наполовину. Одна из немногих, кто получил приглашение на стажировку в Каптийскую исследовательскую лабораторию.

Лесс Хейвуд отложил анкету, по которой бегло скользнул взглядом, а затем посмотрел на Лимму, миниатюрную смуглую девушку с торчащими из высокого хвоста прядями. Солнечный свет врывался в распахнутое окно его небольшого кабинета, выхватывая из полутьмы ее фигурку и позволяя ректору внимательно рассмотреть гостью. Девушка обладала выраженными чертами ситайки: треугольным маленьким личиком, полными губами, суровым изломом бровей и неоспоримым упрямством во взгляде. Она сидела, хлопая черными глазами, неестественно и напряженно прижав к коленям кулачки. Эта девушка даже не осознавала, какую шумиху подняла в городе – не часто в Каптике объявляются ситайки, тем более, такие хорошенькие.

– Итак, – Хейвуд прочистил горло и, постукивая пальцами по столешнице, откинулся на спинку кожаного кресла, – ваша мать та самая Гарверд Лессон. Вы решили пойти по ее стопам?

Лимма нахмурилась. Говорить о матери, учитывая ее болезнь, было плохой идеей.

– Не совсем, – голосок у девушки был хриплым и неуверенным.

– Как ее здоровье?

– Ей уже лучше. Мы переехали в Каптику, чтобы сменить климат.

Конечно, это интересовало Хейвуда в последнюю очередь, поэтому он поспешил сменить тему:

– Вы закончили университет с дипломом биомедицинского инженера-техника в Элентропе, затем работали на кафедре патофизиологии в Катригане, верно?

– Да.

Впечатляющее резюме. Хейвуд был уверен, что эта юная ситайка способна получить работу в лучших исследовательских центрах Альянса. Если бы не

болезнь Гарверд…

– У вас довольно востребованная специальность, – пробубнил мужчина. – Но я понимаю ваше желание не останавливаться на достигнутом. Вы экстерном закончили аспирантуру и теперь хотите применить знания в сфере инноваций.

– Да.

Хейвуд скрыл удовлетворенную улыбку – из любой ситуации он всегда выжимал по максимуму.

– Сомневаюсь, что вам было бы интересно работать в команде доктора Баргера.

– Но я…

– Мы, к сожалению, больше не набираем стажеров, – подняв взгляд, мужчина с изумлением отметил, что девушка вся подобралась и напряженно застыла, – но я ознакомился с результатами ваших тестов и рекомендацией доктора Морган и могу заявить, что вы довольно перспективный специалист. Мы можем взять вас сверх штата, но это значит, что вы не будете получать стипендию.

Лессон нетерпеливо выдохнула.

– То есть, я могу рассчитывать на это место?

– Да, но с условием, которое я озвучил…

Пожалуй, эту девушку не интересовали условия. Она привыкла всегда и во всем быть лучшей.

– Я согласна, – произнесла она.

Глава 1

У меня все из рук валилось. Особенно под пристальным взглядом Питта Сайверса.

Этот красавчик с модной прической вызывал в моем воспаленном мозгу короткое замыкание. Моя потертая джинсовка, перекинутая через длинную лямку сумки, норовила упасть на пол. И зачем я взяла ее сегодня? Дня, более жаркого – буквально адски жаркого – не было еще за все лето. Юбку цветочного платья, которое казалось мне сейчас самым неудачным из всего гардероба, раздувал горячий южный ветерок.

Взгляд Питта был острее самурайского меча. И опаснее.

Я, конечно, понимала – такие мальчики не мечтают о ситайках, живущих в домах, которые арендует государство. В жилище, далеком от эталона каптийских домов.

Семья Питта была весьма обеспеченной, и я даже не смела мечтать об участи Золушки и о том, что Сайверс может оказаться благородным принцем. Сверкающая тачка, уйма свободного времени, футбольный гарнизон и одна из самых престижных команд Каптики – это составляющие портфолио Питта. А еще он одно время встречался с действующей «мисс бикини», что вознесло его на Олимп так высоко, что нам смертным не угнаться. Но, несмотря на это, мое сердце едва не выпрыгивало из груди, когда этот парень смотрел на меня. Он был младше на год, но иной раз мне казалось, что до его уровня мне еще расти и расти, невзирая на то, что наше ай-кью разнилось, как Эверест и дюна в какой-нибудь пустыне.

– Уверена, он не читал Галена в оригинале, – раздалось скептическое мнение Ниллы, моей подруги, которая наблюдала, как я запихиваю в сумку книгу.

– Меня это не интересует.

– Не советую обольщаться на его счет. Все знают, что он самовлюбленный кретин.

Внимание Питта, как призрачный мираж. Вроде бы меня это беспокоит, а вроде и беспокоиться не о чем – мало ли на кого он может смотреть.

– Может, у него проблемы со зрением? – бурчала я, завязывая рукава джинсовки вокруг лямки. – Такие, как Питт Сайверс, не смотрят на таких, как Лимма Лессон.

Нилла, пожалуй, единственная, кто не считал меня чокнутой. Она занималась изготовлением кукол из папье-маше, которыми был забит гараж в ее доме. Честно признаться, даже я – а меня считали «не от мира сего» – боялась лишний раз спуститься туда в одиночестве. Впрочем, Нилла и сама напоминала одну из своих кукол. Она любила черный цвет, поэтому он преобладал во всем: в ее гардеробе и в макияже.

Перекинув лямку через плечо, я пошла к автобусу. Ниллу забирал старший брат, который работал лаборантом, а мне оставалось провожать их взглядом, а затем трястись полчаса до нашего дома в восточном районе Каптики.

Наш двухэтажный дом был редко наполнен суетой или каким-либо воодушевлением. Ба часто читала маме, сидя на заднем дворе, попивая крепкий бренди или не менее крепкий чай с бергамотом и льдом. Она покачивалась в кресле, спустив очки в прозрачной оправе на кончик носа, и медленно читала какой-нибудь бульварный роман. И маме всегда нравились эти мгновения спокойного уединения.

Перед ужином мы читали молитву. Эта традиция повелась еще с тех времен, когда только случилась мамина болезнь. Ба верила, что взывание к небесам могло помочь матери исцелиться. А мама, будучи медиком, позволяла нам в это верить и со снисхождением наблюдала, как бабушка возносит молитвы.

Дейне Морис было уже семьдесят восемь лет. Моя мать была у нее поздним ребенком, ожидаемым и любимым. Через год после ее рождения не стало деда. К слову, у нас уже не одно поколение женщин оставалось без мужчин. Мама никогда не говорила о моем отце. Она родила в шестнадцать, еще учась в старших классах, так что моим отцом мог быть какой-нибудь прыщавый школьник, забывший об элементарных средствах контрацепции. Однако наличие ребенка не помешало ей окончить школу, поступить в университет и стать одним из самых успешных медиков Альянса.

После переезда в Каптику я почти сразу получила место в исследовательской лаборатории. Группы из двенадцати человек были сформированы еще в начале года, и руководителю одной из них, доктору Баргеру, присутствие меня в зоне

его комфортного пребывания только портило настроение. Будучи человеком практичным, он долго и скрупулезно приглядывался ко мне, прежде чем допустить до исследований, которые были назначены его стажерам. Мы занимались тем, что выращивали какой-нибудь трансгенный сорт кукурузы, что само по себе было делом скучным до колик. Однако это был шаг вперед. Для меня – весьма ощутимый.

Я обычно заканчивала около шести. Мы уходили вместе с Баргером, потому что он всегда дожидался, когда его стажеры покинут святая святых, и запирал лабораторию на ключ. Он никогда не предлагал подвезти меня, хотя жил в восточном районе. Впрочем, он относился к тем людям, которые старались держаться особняком. Ему вполне хватало моего ежедневного десятичасового присутствия, чтобы продлять его на лишних полчаса.

Автобус обычно приходил в шесть пятнадцать, и я заходила в мини-маркет за пакетиком фруктовых леденцов, которые имела привычку грызть в дороге. Мой путь до остановки никогда не отличался чем-то примечательным. Доходя до лавочек, я обычно вскрывала пакет, разворачивала одну из конфет и закидывала в рот. Но на сей раз мне было не суждено насладиться вкусом любимых леденцов.

С ходу я столкнулась с кем-то, выронила лакомство со стоном: «Проклятье…», а затем вскинула полные негодования глаза.

У вас в руках когда-нибудь взрывалась петарда? Да так, что глаза заволакивало на пару мгновений, сердце замирало от страха, а вы сами бледнели, представляя, что лишились половины пальцев?

Так вот: эта встреча была подобна взрыву петарды.

– Прости, – приятная улыбка скользнула по карамельным губам Питта.

Какого черта он делает здесь? В опасной близости от такой, как я?

– Ты ведь Лимма, так?

– Да, – я могу говорить только тогда, когда не смотрю в голубые глаза этого парня.

Мы молчим некоторое время, испытывая неловкость. Для Питта это в новинку, мне не привыкать. Я делаю неуверенное движение вбок, чтобы обогнуть парня, глупо улыбаюсь на прощание. Когда осторожно обхожу его, как робот-краб, твержу про себя, какая я идиотка.

– Ты ведь работаешь здесь? – этот вопрос летит мне в спину, как брошенный вдогонку булыжник. Он вышибает из меня дух.

Я обернулась, цепляясь за лямку сумки обеими руками, как за спасательный круг. Губы у меня дрожали от острого приступа паники.

– Да.

– Новенькая? Давно приехала?

Питт поправил челку, которая спадала ему на левый глаз. Очки с зеркальными стеклами были подняты вверх и пускали солнечные зайчики. Одна его ладонь скрывалась в кармане синих джинсов. Белая футболка выгодно подчеркивала загар и рельеф развитых мышц.

– Пару месяцев назад, – произнесла я.

В этот момент к остановке подъехал автобус, и я нетерпеливо перемялась с ноги на ногу.

– Мне пора.

Питт взглянул на распахнутые дверцы автобуса, затем на меня и спросил, не колеблясь ни секунды:

– Хочешь, подвезу?

Реакции у меня были медленные, как у кита, но сейчас я среагировала молниеносно:

– Меня?!

– Ну вроде как, – усмехнулся Питт, – поехали?

На его тачке? В той самой, на заднем сиденье которой университетская «мисс бикини» лишилась девственности?

– Я не буду лихачить, обещаю, – поспешил добавить парень.

В его руках звякнули ключи. Я бросила взгляд на автобус и пожала плечами:

– Поехали.

Почему-то мне казалось, что куш в казино срывают реже, чем подобные Питту Сайверсу приглашают подобных мне прокатиться на его тачке. В любом случае, я не тешила себя мыслью, что случившееся акция многоразовая. Мы с Питтом были слишком разные, чтобы нас что-то заинтересовало друг в друге.

Первые пять минут мы просто слушали радио, пребывая в каком-то оцепенении. Я могла бы сказать что-то типа: «классная у тебя тачка» или «о, люблю эту песню», но все, что приходило на ум, казалось невероятным идиотизмом.

– Мне, – решился Питт, глядя на дорогу и сжимая и разжимая пальцы на руле, – мне сложно придумать тему для разговора, хотя обычно со мной такого не случается.

Наверно, в этом виновата я. О чем можно разговаривать с зубрилкой, которая большую часть времени убивает в лаборатории и грезит карьерой ученого?

– Можем поговорить о Галене и его трактатах, – пошутила я и сразу почувствовала, как напрягся Сайверс.

– Понятия не имею, кто это.

Это моя вина. Я совершенно лишена чувства юмора.

– Один древний медик, не бери в голову, – прозвучало, как чертово оправдание.

– Я жуткий идиот, если честно. Вся моя жизнь строится вокруг футбола.

Не знаю, испытывал ли он дискомфорт, произнося это, но я точно испытывала, слушая.

– А вот я не знаю ни одного игрока национальной лиги. Я и футбол – это на разных полюсах, – снова оправдание.

И почему я всеми силами не хочу выглядеть слишком умной?

– Ты работаешь в лаборатории, – произнес Питт, – это, наверное, сложно. Чем вы там занимаетесь?

– Трансформируем растительные ткани… эм… в общем, занимаемся разной ерундой.

И с каких это пор генная инженерия стала для меня ерундой?

– Интересно, – произнес парень. – Тебе это нравится?

– Да.

– Хочешь связать с этим свою жизнь?

Парой вопросов он докопался до истины. Наверняка он не такой придурок, каким его выставляет Нилла.

– Скорее с биомедициной…

– Хочешь быть врачом? Вроде бы твоя мать…

– Она выдающийся хирург, – перебила я Питта, – а биомедицина – это нечто иное. Скажем так: эта сфера регенеративной медицины и поле для создания искусственных органов и тканей. В общих чертах, это то, что позволит человеку

быть неуязвимым и жить вечно.

Сайверс улыбнулся, оторвался от созерцания дороги и взглянул на меня.

– Круто. Люблю людей, у которых есть цель в жизни.

– А ты? – смутилась я. – Будешь продолжать заниматься футболом?

Питт рассмеялся.

– Нееет, – протянул он, – футбол это только в университете, через год я возглавлю отдел в фирме отца. Моя жизнь была распланирована, как только я появился на свет. Родители вкладывали в меня деньги, как в особый долгосрочный проект, и теперь надеются, что я отобью все их траты.

– А ты этого не хочешь?

– У меня нет выбора, – его улыбка померкла, он перехватил руками руль, поворачивая к моему дому. – Ты ведь здесь живешь, не ошибся?

– Да, верно. Что ж, спасибо, что подвез, – я открыла дверцу, замечая, что Питт чуть поддался вперед, не спуская с меня глаз.

– Послушай, Лимма, – сказал он, когда я благополучно высадилась из его машины и уже посчитала, что все волнения закончены, – может, мы… мы с тобой…

Я взглянула на него, видя, что он нервничает.

Питт Сайверс нервничает!

– …мы с тобой сходим куда-нибудь вечером… вдвоем, а?

В моем сознании будто переключился тумблер. Наверняка был запущен режим «розовые очки».

– Я и ты? – переспросила, заставив его слегка покраснеть.

– Вроде того. Так ты не против? – приподнял бровь. – Может, завтра? В семь? Я заберу тебя из университета, хочешь?

– Как скажешь.

Мы оба жутко волновались. Со мной это на каждом шагу случается, но Питт! Не иначе, магнитные бури или взрыв где-нибудь на Солнце.

– До завтра, Лимма, – опустив локоть на сдвинутое вниз стекло, Питт притягательно улыбнулся.

Глава 2

Еще до вступления в Альянс, моя планета – а вернее планета моих предков, – Лиртона спокойно сосуществовала с набирающим обороты международным сообществом. До тех пор, пока к нам не пришли люди. С виду такие же, как и мы. Но, откровенно говоря, разница между человеком и ситайцем была велика так же, как и Равнина Эллада на Марсе. Во-первых, люди изначально воспринимали нас, как отстающий вид. Они вторглись в Лиртону, обширно внедряя технологии, заряжая поспешностью и резкостью жизни. У них было право селиться, где им заблагорассудится. И они присвоили Лиртону, единственную из Альянса, где уже существовала «разумная жизнь». Во-вторых, все вышесказанное не отменяло и другого различия между нами. Различия, о котором приличная ситайская женщина предпочла бы умолчать.

Об этом я думала, выбирая платье, подходящее для первого свидания. Я примеряла одно за другим, ловя себя на мысли, что веду себя не так, как Лимма Лессон, совершенно не так. Да и быть Лиммой Лессон мне не хотелось. Кем угодно, только не запуганной девчонкой, опасающейся лишний раз взглянуть на такого, как Питт.

Мое лицо было аккуратно подрумянено, губы подкрашены блеском. Волосы я не стала собирать в хвост. Темные, почти черные пряди легли изящными волнами

по плечам. Вишневое платье с коротким рукавом и белым тонким пояском из кожи, светлые туфли на низком каблуке кричали о том, что сегодня необычный день. Я чувствовала себя такой уязвимой, что пропустила завтрак и даже не зашла к маме, чтобы поцеловать перед уходом, как делала обычно. Ба проводила меня понимающим взглядом, выйдя из кухни и вытирая руки полотенцем. Хвала всем святым, она не произнесла ни слова, иначе бы я провалилась сквозь землю.

Автобус причалил к университетской остановке вовремя, и меня подхлестнуло волной студентов, спешащих на пары. Затерявшись среди них, я прошла до лаборатории, прошмыгнула внутрь.

– Лимма, сегодня ты в паре с Териной… – доктор Баргер развернулся от кофемашины, помешивая ложкой в бумажном стаканчике, и удивленно скользнул взглядом по моему платью.

– Да, конечно, – проговорила я, отчаянно хватаясь за дверную ручку раздевалки, желая поскорее исчезнуть в дверном проеме или же попросту распасться на атомы.

Вбежав внутрь, я захлопнула дверь и метнулась к своему шкафчику. Меня терзала мысль, что кто-то из девочек может прийти так же рано и увидеть меня… и все понять!

Накинув халат, переобувшись и спрятав волосы под шапочку, я облегченно выдохнула. Убрав в карман перчатки и закрепив бейдж, я некоторое время собиралась с духом, чтобы выйти из раздевалки.

Баргер уже готовил инструментарий. Обычно он редко заговаривал со мной на отстраненные темы. Но сегодня, видимо, был тот самый редкий случай.

– У тебя свидание, Лессон?

Я подошла к столу, тщетно пытаясь придумать какой-нибудь дурацкий ответ или отшутиться.

Доктор все же был не настолько жестоким человеком, чтобы потешаться надо мной и дальше.

– Приступай уже к работе, раз пришла на двадцать минут раньше, – вымолвил он, ставя передо мной лоток с пробирками.

Время летело неумолимо.

Я обычно не бываю рассеянной, особенно на работе. Но сейчас мои мысли витали где-то далеко. Но доктор Баргер был само снисхождение. Он ни разу не прикрикнул на меня: «Эй, очнись!», как обычно кричал на других стажеров, если они засыпали на ходу. А поводов я сегодня давала много. Наш куратор вообще вел себя на удивление спокойно. Он был человеком очень терпеливым и замкнутым, мало говорил, но надзиратель из него был отменный. Мы все, как один, боялись, когда он зависал за нашими спинами, следя за ходом эксперимента, и цедил скупо: «Ну, ведь не так же, не так…» За ним стояла вещь более серьезная, чем мы могли представить, – это наша будущность. Именно Баргер мог дать мне или соседу или даже вечно путающемуся под ногами Тиму Эвертону счастливый билетик в любую крупную лабораторию, где требовались сотрудники.

Ход нашей слаженной работы разбил звонок телефона. Баргеру единственному разрешалось пользоваться телефоном в стенах храма науки, и он, сев на стул в углу комнаты и спокойно наблюдая за нами, воткнул в ухо наушник.

– На каком? – взволнованно произнес он. – Прямо сейчас?

Рывком он поднялся со стула и почти бегом кинулся в общий коридор.

– Где пульт? Где пульт от этого телевизора? – донесся оттуда его голос.

Никогда не видела Баргера таким!

Мы все выглянули из лаборатории, неуверенно высыпали в коридор, с изумлением наблюдая, как доктор шарит по полкам в поисках пульта, затем судорожно жмет кнопки.

Телевизор, который не включался черт знает сколько лет, замигал и зажегся. Баргер замер, покусывая нижнюю губу. Мы все тоже замерли, глядя в экран.

– Да, да, я уже включил, – произнес доктор, все еще находясь с кем-то на связи. – Они что, действительно одобрили это…

Голос диктора заставил всех с шумом втянуть носом воздух и остолбенеть. Я будто провалилась в параллельную вселенную, плывя по звуковым волнам этого голоса, который вещал, что был отменен международный протокол, запрещающий терапевтическое и репродуктивное клонирование человека.

– Да, я это слышу, – произнес Баргер. – Это случилось, черт побери…

Это действительно случилось.

Стажеры заголосили, а доктор снова сел, напряженно слушая собеседника и почесывая лоб.

– Ты не зря принарядилась сегодня, Лессон, – сказал он мне с улыбкой, когда мы все вернулись в лабораторию.

Новость, обрушившаяся на нас этим утром, вытеснила мысли о Питте. Хотя, чем ближе стрелка настенных часов подходила к шести, тем больше я думала о нем.

Нилла, увидев меня после работы, удивленно присвистнула. Мы сели на лавочку, дожидаясь ее брата, покуда перед нами сновали студенты дневной смены.

– У меня сегодня… – откашлявшись, произнесла я, – встреча с Питтом Сайверсом. В семь.

Нилла даже головы не повернула, продолжая жевать соленый арахис.

– Что ж, желаю удачи, – вымолвила она после минутной паузы.

Она умела показывать неодобрение и недовольство, не говоря ни слова. И она явственно видела, как далеки друг от друга сын богатого папочки и дочка ученого, живущая на пособие.

Когда она уехала, я с тоской взглянула на электронные часы, показывающие время с башни Каптийского университета. Площадь медленно пустела, солнце садилось в розоватый туман над парком. Я проводила взглядом очередной автобус, и в какой-то момент поняла, что Сайверс не приедет.

Семь тридцать.

Какая же я дура, раз подумала, что могу понравиться ему!

Вероятно, он проехал мимо с какой-нибудь из своих подружек, с довольным превосходством отмечая, что я сижу и жду его, нацепив лучшее свое платье. Это, конечно, польстит его самолюбию. Подумать только, он ведь может понравиться любой девушке, включая глупую зубрилку Лессон, которая ждет, словно преданный Хатико.

Швырнув сумку на лавку, я принялась рыться в ней. У меня должно хватить на такси, где-то завалялась двадцатка… если найти еще пятьдесят…

– Эй, Лессон, тебя подвезти?

Подняв покрасневшие глаза, я обнаружила, что у обочины притормозил доктор Баргер.

– Нет, спасибо, я… – сжимая в кулаке деньги, я думала лишь о том, что он обо всем догадался. Понял наверняка, что Лимму Лессон прокатили со свиданием и теперь она сидит, едва сдерживая рвущееся наружу негодование.

– Садись уже, – бросил мужчина, – нам ведь по пути.

Подхватив сумку, я села на пассажирское сиденье и отвернулась к окну, надеясь, что Баргер не станет со мной разговаривать, в частности, намекать на то, что мое первое свидание оказалось плодом моего воображения.

– Ты писала диплом по клеточным технологиям в регенеративной медицине, – выдал он с ходу. – Как далеко вы продвинулись с доктором Морган?

Я была удивлена, но уж лучше треп о работе, чем о моих любовных неудачах.

– Не особенно.

– Хейвуд передал мне результаты твоих тестов. Я впечатлен.

– Спасибо.

– Ты уверена, что хочешь остаться на стажировке именно в нашей лаборатории? Каптика никогда не даст разрешения на исследования в области человеческого тела. Хейвуд слишком боится осуждения, чтобы пытаться получить грант на такие разработки. Но я знаю человека, который не боится ничего. Он получил место руководителя проекта в одном из исследовательских центров крупного технопарка, и пределов у этого человека нет. Я могу поговорить с ним о тебе.

Я удивленно повернула голову, сглотнув ком в горле.

– Мне все кажется, – продолжил Баргер, – что ты не на своем месте. У меня нет к тебе никаких претензий, Лессон, кроме одной: ты способна на большее и тратишь себя здесь напрасно.

Мое сердце стучало, разрывая аорту ко всем чертям.

– Я говорю о научно-исследовательском центре биомедицины в Вейсмунде. Слышала об этом месте?

– Вейсмунд… – повторила желанное слово, пробуя на языке, – это так далеко…

Чертовски далеко. Почти в другой галактике без преувеличения.

– Я не могу уехать из-за матери. Она очень больна, а бабушке семьдесят восемь.

Мне всего двадцать, у меня еще уйма времени на карьеру… но почему так рвет сердце?

– Понимаю, – немного разочарованно протянул Баргер, – тогда продолжим трудиться в одной команде?

– Да, думаю, несколько лет я проведу в Каптике.

Разговор иссяк, а меня еще долго терзало чувство, будто я упускаю единственную и такую желанную возможность добиться успеха на поприще науки.

Глава 3

Два дня я искренне верила в то, что кошмар по имени Питт Сайверс, наконец, покинул пределы моего сознания и улетучился, как предрассветный туман. Однако ж, как я ошибалась!

Этот парень, внешний вид которого кричал о внушительном состоянии, самоуверенности и черт знает о чем еще, ждал меня после стажировки, примостив свой зад на лавочку. Он поднялся навстречу, лепеча какую-то чепуху, вроде горя из-за того, что наше свидание – о, да, он назвал его именно так – сорвалось не по его вине. Какая жалость, ей-богу!

Я охотнее поверила бы в то, что он просто забыл, что вообще договаривался со мной о чем-то.

– Давай сходим куда-нибудь, ну, скажем, сегодня? – пожал он плечами, – прямо сейчас?

Я вошла в мини-маркет, схватила пакетик леденцов и подошла к кассе, продолжая равнодушно слушать:

– Прости, что так получилось… Дай мне еще один шанс, ладно?

Расплатившись, я направилась к выходу, надеясь, что проблема под названием Питт Сайверс рассосется сама собой.

– Брось, Лимма, – почти взмолился парень, не отставая от меня ни на шаг, – мне бы очень хотелось, чтобы наше свидание все же состоялось…

– Зачем? – я обернулась, скрестив на груди руки.

– Зачем? – переспросил он удивленно, – выпьем кофе, прогуляемся, поговорим…

– Ты не понял, Питт, – вымолвила я, – зачем тебе все это? Зачем тебе я?

На его лице обозначилась глубокая озадаченность.

– Ты что, с кем-то поспорил?

Его голубые глаза округлились. Пожалуй, Питт не ожидал, что я спрошу «в лоб». Его темные брови сошлись над переносицей.

– Лимма, послушай, – усталость засочилась в голосе, – я похож на подонка?

– Ты похож на человека, которому должно быть плевать на такую, как я?

– Потому что я подтираю зад купюрами и трахаю по полдесятка мисс «пятый размер бюста»? – Питт ожег меня хмурым взглядом. – Как же я устал от этого дерьма, ты бы знала. Думал, ты единственная, кто не выльет на меня помои из-за того, кто мой отец.

Он развернулся как-то слишком быстро. И слишком неожиданно, чтобы я смогла остановить его, почувствовав острый укол стыда и угрызения совести.

Еще один упущенный шанс в мою копилку.

Впрочем, всю дорогу до дома я успокаивала себя тем, что мы с Сайверсом далеки друг от друга, как Каптика от Вейсмунда, и у нас ни за что ничего бы не получилось, даже если бы я, пылая страстью, пала к его ногам. Впрочем, нельзя отрицать тот факт, что Питт был до безумия обаятельным. Я в жизни своей не видела столь привлекательных людей.

Причина моей симпатии к нему не поддавалась логике. Пару месяцев назад я впервые увидела его на футбольном поле, когда, сняв футболку с загорелого тела и перекинув ее через плечо, он вылил питьевую воду из бутылки себе на голову и грудь. В тот день выдалась относительно теплая погода, хотя для того времени года еще довольно прохладная. Солнце сияло на абсолютно безоблачном небе и в каждой капельке воды на безупречном подтянутом теле Питта Сайверса. И в тот момент, когда он опустил руку и вскинул глаза, наши взгляды соприкоснулись. Книги, едва не вывалились из моей хватки, потому что земля уплыла из-под ног, как зыбучий песок. Питт отвел взгляд, а я все еще глядела на него, чувствуя тугое напряжение в животе. И это было волнующе, пугающе… незабываемо.

Эта странная первая и острая необходимость в мужчине повергла меня в шок. Я никогда ни в кого не влюблялась, и мне казалось, что я попросту лишена «гена влюбленности». Однако с первой встречи с Питтом он стал предметом моих грез. Он мне даже снился. И эти сны заставляли вздрагивать наяву, случись мне увидеть Сайверса где-нибудь в университете, ибо ночью моя фантазия позволяла себе слишком многое. Но до поры до времени фантазии оставались фантазиями, и я даже не смела мечтать, что в один из дней этот человек запросто подойдет ко мне и позовет на свидание.

Зато теперь я понимала, что все мои мысли будут отданы ему.

Пару дней после нашего последнего разговора я досаждала Баргеру своей невнимательностью, из-за чего он, в конце концов, вывел меня в общий коридор, усадил на диванчик и взглянул уничижительно.

– Что не так, Лессон?

– Я плохо сплю.

Отчасти это было правдой. Слишком часто в своих грезах я занималась любовью с Питтом, просыпаясь в ужасе оттого, что мое тело обмякло, а мышцы в паху продолжают сокращаться.

– У тебя бессонница?

– Вроде того.

– Тогда иди домой и не приходи, пока не станешь прежней Лиммой Лессон.

– Но…

– Я сказал, – рука доктора Баргера опустилась мне на плечо, легонько направляя в сторону раздевалки, – иначе я возьму обратно свои слова о Вейсмунде и твоих рекомендациях.

Целую неделю после внушения Баргера я занималась исключительно наукой. А по вечерам я заменяла ба в чтении книг матери, балуя ее статьями из передовых научных журналов. Мама, конечно, делала вид, что ее ничуть не заботит, каких высот добились ее коллеги. Но я и ба прекрасно знали причину, побудившую ее охладеть ко всему этому – мама нуждалась в медицине, а медицина в ней нет. И эта односторонняя привязанность грозила свести ее с ума.

– Ты же понимаешь, как ей тяжело, – говорила мне Дейна, когда мы спускались из спальни на кухню, – незачем травить ей душу этими статьями, Лимма. Время Гарверд, как медика, прошло, теперь она лишь твоя мать и моя дочь. Эта правда слишком болезненна, но она и является лучшим лекарством.

Дейна была чертовски права во всем, что касалось ее дочери. Мне же было тяжело осознать, что неиссякаемый потенциал моей матери стал лишь частью ее пожизненного проклятия.

Кто знает, может быть, моя жизнь и текла бы в прежнем русле, разрываясь между работой и домом, если бы в один из дней Дейна не заглянула ко мне в комнату со словами:

– Там во дворе какой-то парень, Лимма. Может быть, ты знаешь, кто он?

Карандаш, которым я делала пометки, выпал из моей руки. Я вскинула глаза, полные необъяснимой тревоги. Сердце забилось так сильно и громко, будто мне сообщили о начале войны, как минимум. Отложив книгу, я соскочила с кровати, подошла к окну и отдернула штору, проронив лишь: «Чтоб тебя!»

– Так ты знаешь его, или я звоню в полицию?

Ба терпеливо дождалась моих сбивчивых объяснений по поводу личности этого парня. Залившись краской стыда, я снова юркнула в постель.

– И что с ним делать? – приподняла брови моя бабушка. – Он потопчет все цветы во дворе.

Пусть катится ко всем чертям. Я ни за что не выйду к нему, потому что боюсь. Смертельно боюсь, ибо умру сразу, как только он взглянет на меня. А еще я всерьез могу расплакаться или упасть в обморок. Нет, это выше моих сил!

– Лимма, мне его прогнать?

– Не знаю. Я его не звала. Я…

Дотянувшись до кувшина с водой, который стоял на прикроватной тумбочке, и чудом не расплескав, я припала к краю.

– Так, может, ты с ним поговоришь?

В ответ я отчаянно замотала головой.

Святое небо, Питт Сайверс ошивается у меня во дворе, как чертов Ромео! И одно это обстоятельство заставляет сходить с ума от паники.

– Уверена, он сейчас уйдет, – совладав с волнением, произнесла я и распахнула книгу, делая вид, что читаю. – Через пять минут его уже и не будет.

– Если пострадает хотя бы одна моя роза… – усмехнулась ба.

Черт побери, а ведь этот парень даже не постучал в нашу дверь и не соизволил намекнуть, что героически торчит во дворе. Ему будто плевать на условности, он же Сайверс, ему положено. Может, ему просто нравится наш сад? Или он заблудился в восточной Каптике? Здесь ведь все трущобы на одно лицо.

Я отбросила книгу, взирая на часы и смакуя мысль, что Питт просто очарован мною до сумасшествия, раз в восьмом часу шарахается рядом с моим домом. Хотя кого я обманываю? Очарован? Мной? Этот богатый красавчик? Ему что-то

нужно, наверное. Может, у нас донорская совместимость и ему нужна одна из моих почек? Или он забежал занять денег на новую тачку.

А может, ему просто нравится экзотика? Ситайки – это ведь такая редкость в Каптике. Кроме того, ситайские девочки созревают очень поздно. Главная особенность всех ситаек – определенное «женское строение» и чрезмерная наивность. Я наслушалась этого еще от матери, которая родила в шестнадцать, поддавшись чарам моего отца. «Мужчинам – нельзя верить!» Это просто священная истина нашей семьи. Особи противоположного пола, как бы они ни выглядели и что бы ни говорили, – зло. Им нужно только то, что находится у добропорядочных ситаек между ног. И ради этого они будут лгать, как последние грешники.

С другой стороны, Сайверс мог без труда обаять любую девчонку. Зачем ему я? Именно я?

С этим пора покончить.

Я поднялась, натянула кофту и спустилась в холл. Погода за окном испортилась, но дрожь у меня была не из-за этого. Поверить не могу, что паникую из-за Питта. У меня подгибаются колени, но я твердо решила, что пора бы поставить все точки над «и».

На крыльце я остановилась, увидев Сайверса, понуро сидящего на подвесных качелях. В свете надвигающихся сумерек, поднявшегося прохладного ветра и трепещущих из стороны в сторону листьев молодого клена, парень казался несчастным и безумно красивым.

– Привет, Питт.

Сайверс поднял бледное лицо, нашел меня потерянным, совершенно опустошенным взглядом. На его губах возникла знакомая теплая улыбка.

– Прости, Лимма, я сейчас уйду. Не думал, что ты выйдешь, я… просто хотел побыть здесь.

Нельзя доверять Сайверсу, особенно когда он выглядит таким измученным и уставшим.

– С чего бы это? – нахмурилась я, складывая на груди руки. – Тебе понравился сад моей бабули?

Он мог бы и разозлиться. В конце концов, я говорила тоном, который вывел бы любого, но Сайверс лишь понимающе усмехнулся.

– Прекрасные розы.

– Тебе не стоит быть здесь, – категорично выпалила я, – это не имеет никакого смысла. Лучше бы тебе прямо сказать, что тебе от меня надо?

Чем жестче звучал мой голос, тем приятнее и очаровательнее становилась улыбка Питта. Казалось бы, хандра медленно оставляет его, во взгляде появляются прежние озорные искорки.

– Мне нужны твои трусики. Самые откровенные и желательно кружевные.

– Что? – обомлела я, мгновенно вспыхивая от гнева.

– Ты же быстрее поверишь в то, что я поспорил с ребятами, что пересплю с тобой, чем в то, что мне хочется просто поговорить.

– О чем тебе со мной говорить? – еще пылая негодованием, произнесла я.

– О тебе или обо мне, – пожал он плечами, – не важно. Я, как дурак, постоянно о тебе думаю, Лимма. Поэтому я здесь. Я прошу только о разговоре.

У меня пару мгновений не билось сердце. Эйфория нахлынула, и все поплыло перед глазами. Низ живота налился тяжестью, губы вожделенно запылали.

– Уходи, Питт, – смертельно краснея, произнесла я.

– Хотя бы пару минут, – попросил он, поднимаясь с качелей.

Его осторожное приближение вызвало волну жара, прокатившуюся по спине.

– Уходи, Питт, – повторила я, почти умоляя.

Сайверс остановился, но его взгляд блуждал по моему телу.

– Я понимаю, ты слышала обо мне много всего, но… разве ты не хочешь узнать меня получше? Сама?

Я решительно мотнула головой, отступая к дому.

– Нам с тобой не о чем разговаривать.

– Хорошо. Хочешь сказать, что я не заслуживаю даже шанса? – его бровь вопросительно и нахально изогнулась.

– Дело не в этом, – еще два шага к дому.

Я уже чувствовала, что могу спастись, как вдруг Питт усмехнулся:

– Да ты просто боишься.

– При чем здесь…

– Боишься, Лимма, признай это, – оборвал парень, – тебе хочется поверить мне, но ты упорно ставишь барьеры. Проще к черту меня послать?

У меня – зубрилки и отличницы – вдруг кончились все слова. Я глотала ртом разреженный воздух, не зная, что ответить.

– Если так, – произнес Питт, закусывая губу, – у тебя здорово получается. А я стелюсь перед тобой, как идиот. Да я в жизни так не унижался ни перед одной женщиной.

Его взгляд стал требовательным и острым, как бритва.

– Мне пора, – упавшим голосом бросила я, резко разворачиваясь, и этим позорным бегством признавая правоту слов Сайверса.

Всего несколько шагов до крыльца показались мне бескрайним расстоянием по раскаленной пустыне. Я знала, что Питт глядит, как я сбегаю, усмехается и наверняка злится. Сто к одному, что он сядет за руль своей сверкающей тачки с твердым намерением никогда не возвращаться в эту глушь и не встречаться со мной.

Громко хлопнув дверью, я прошагала к лестнице, услышав голос Дейны, донесшийся с кухни:

– Не забудь про ужин!

– Я не голодна! – прокричала, хватаясь за перила и направляясь в комнату.

Просто дойти. Мне нужно спрятаться там от всего и подумать.

Как же я ненавижу себя! Почему не могу быть просто двадцатилетней ситайкой с бушующими гормонами, которая занимается сексом с тем, кто ей нравится, безо всяких предрассудков? Почему я не могу сказать Питту, что изнываю от желания ощутить вкус его губ и отдаться ему там, где он прикажет? Пусть даже в машине! Мне, черт побери, двадцать лет! Я уже совершеннолетняя, и я хочу Питта Сайверса! Хочу почувствовать его в себе, хочу испытать первый в своей жизни оргазм!

Я рухнула на койку, обкусывая губы. Стоит только вспомнить сны с участием этого голубоглазого парня, как я постыдно и по-животному начинаю возбуждаться. Если бы он только прикоснулся ко мне или поцеловал, я бы умерла от наслаждения.

И вместо того, чтобы сказать ему об этом или хотя бы молча посидеть рядом, я шарахаюсь от него из-за чертова страха! Этот страх, будто код ДНК, передающийся из поколения в поколение семьи Лессон.

– Лимма, спустись, пожалуйста, к столу, – настойчиво заголосила Дейна, легонько постучавшись в дверь, – мы ждем.

– Я не голодна, правда.

– Мы всегда ужинаем вместе, Лимма.

Очередная традиция, чтоб ее! Будь я при смерти, я все равно пошла бы за стол, потому что традиции Дейны – это закон. Вся Каптика могла испариться, а закон Дейны нет.

Поднявшись, заново собрав растрепавшийся хвост, я спустилась в столовую и застыла на пороге, едва не схлопотав сердечный приступ.

– Я позвала твоего друга, ты же не против? – ставя на стол поднос с лазаньей, спросила ба и взглянула на меня невинно-кротким взглядом. – Там начался дождь. Питт, вы же любите лазанью?

– Да, очень, – улыбнулся парень, всем своим видом показывая мне: «я не сдаюсь без боя».

Промокшие от дождя волосы он небрежно откинул со лба и уселся рядом с моим стулом.

Я стиснула челюсти, сверкнула рассерженным взглядом на Дейну, и притворно осведомилась:

– Ба, ты же еще не познакомила Питта с мамой?

Та вскинула взгляд, качнув головой.

– Я сейчас ее приведу, – произнесла, зная, что Сайверса это зрелище может шокировать, впрочем, я на это и рассчитывала.

Пусть он увидит, что я девушка, отношения с которой могут приносить лишь проблемы.

Когда я вернулась с мамой из гостиной, Питт в самом деле растерялся. Секунду выражение его лица демонстрировало крайнее замешательство, но затем прояснилось и даже смягчилось.

– Мама, познакомься, это Питт, – сказала я, наклонившись над инвалидным креслом к уху матери, – он мой знакомый из университета, занимается футболом.

Конечно, мама не могла ответить и даже приветливо улыбнуться. Она вообще не могла двигаться.

– Очень приятно, – нашелся Питт, – я многое слышал о вас, о вашей научной деятель…

– Давайте к столу! – раздался чересчур встревоженный голос Дейны. – Мы не говорим за едой о работе. Питт, садитесь скорее! Лимма!

– У мамы боковой амиотрофический склероз, – шепнула я Питту, когда мы сели за стол, – действующие у нее только указательный и средний пальцы на правой руке. Ба сейчас ее покормит, но прежде мы прочтем молитву.

Пусть думает, что наша семья чокнутая. Быстрее отвяжется.

– Возьмемся за руки? – предложила Дейна. – Вот так, отлично…

Пока ба произносила молитву, я глядела на Питта, который был полностью сосредоточен на происходящем и больше не казался обескураженным или шокированным. Он так неожиданно вписался в наш семейный ужин, что само его присутствие здесь казалось мне сном. Я чувствовала тепло его пальцев, крепких, длинных. Я на секунду представила, как его руки касаются моего тела, талии, напряженной и изнывающей томлением груди. А затем и его рот… Эти губы, наверно, умеют ласкать. Уверена, они такие нежные и горячие, как лучи солнца. Они невесомо запорхают по шее…

– Лимма, передай мне салфетку.

Я вздрогнула.

Ба кормила маму, вытирая ей подбородок.

– Питт, – спросила она любезно, – вы давно знакомы с Лиммой?

– Нет, – отозвался парень, отправляя в свой притягательный рот кусочек лазаньи. – Нам все не представится случая поговорить.

– Значит, вы футболист?

– Да, играю за местную футбольную команду.

– И как же вы познакомились? Лимма не ходит на футбол, – в голосе ба заскользили нотки неприятного подозрения.

– Я просто увидел ее после тренировки.

– Просто увидел, – повторила Дейна и усмехнулась, – все это мне до боли знакомо. Я уже проходила это в случае с Гарвед, – и она многозначительно взглянула на меня. – Чем же вас так поразила Лимма, Питт?

Он перестал жевать, понимая, что его попросту тестируют.

– Она не такая, как все. Особенная.

Ба была удивлена. Впрочем, я тоже.

– Вы поняли это, просто посмотрев на нее?

Питт улыбнулся, осознав, что недоверие – это у нас семейное.

– Наверно, да.

– Вы, мне кажется, из тех, кто считает, что всегда добивается своего? – улыбка на лице Дейны была неизменным атрибутом, когда она вела подобные беседы.

– Нет, я спортсмен и знаю цену поражений. Я не всегда получаю то, что хочу. Но я стремлюсь к цели, иначе мне нельзя.

Ба сочла ответ исчерпывающим, натянуто улыбнулась и принялась за еду.

Когда ужин был окончен, и Питт сердечно поблагодарил нас за гостеприимство, он коснулся моей руки:

– Проводишь меня до двери, Лимма.

Мы поднялись и вышли в холл.

– Мне было очень приятно познакомиться с твоей семьей…

– Брось, – отмахнулась я, – считаным единицам это может быть приятно. Можешь ничего больше не говорить, все и так ясно.

– Да, – согласно кивнул он, – ясно.

– Что ж, – я распахнула дверь, – дождь закончился…

– Да, верно. – Парень взглянул на улицу, вдохнул свежий вечерний воздух и снова посмотрел на меня: – Увидимся завтра, Лимма.

Я изумленно вскинула брови, решив, что ослышалась. Так, значит, его не отпугнуло даже мое семейство? Он что, ненормальный, в конце концов?

Горячая ладонь легла мне на щеку, а дыхание Питта опалило губы. Первый поцелуй был легким и целомудренным, но выбил почву у меня из-под ног основательно. Я отпрянула, судорожно втягивая носом воздух. Кровь ударила в голову, ладони объяло огнем.

– До завтра, – едва смогла прошептать я.

Глава 4

Лимму Лессон считали зазнайкой с синдромом отличницы. Потому что она всегда все делала правильно и лучше всех. Но окружающие и подумать не могли, что все ее идеалы могли вмиг разбиться о неистовое, жгучее и неугомонное чувство.

Я очень редко размышляла об интимной близости между людьми. Зачастую эта тема пугала меня до нервных судорог. В полночных снах я уже не раз испытывала наслаждение от мужских прикосновений. Я даже научилась думать об этом, как о чем-то совершенно естественном, но я не могла осознать, что в один прекрасный день это произойдет между мной и Питтом.

Комплексов у меня хоть отбавляй. И один из них – недовольство собственным телом: небольшой грудью, худыми ногами и угловатыми мальчишескими плечами. Я казалась себе лягушонком, который неглиже вряд ли бы понравился местному красавцу. Кроме того, я не умела целоваться и не знала, как доставить удовольствие мужчине. Я даже член видела только на анатомических картинках, и вряд ли бы смогла сохранить спокойствие, если бы он ненароком мелькнул перед глазами.

– Привет!

От неожиданного появления Ниллы по моему лицу растекся румянец.

– Ты меня напугала, – произнесла я смущенно, будто бы подруга могла заглянуть в мои мысли.

– Двигайся, – она села на лавочку рядом.

Мы сидели на автобусной остановке, провожая взглядом студентов. Кто-то из них ждал автобуса, а кто-то шел на парковку и уезжал оттуда на дорогой машине, из которой басила музыка. Ежедневная рутина, но, странное дело, сегодня все казалось мне каким-то особенным.

– Как прошел день? – спросила Нилла.

Я усмехнулась. Мой день прошел где-то на задворках неба, ибо я витала в облаках с самого утра. Я, пожалуй, впервые и по-настоящему рассердила доктора Баргера. Он даже отправил меня на часок в раздевалку, чтобы я,

наконец, «проснулась». Подобное он делал крайне редко, но мне было все равно. Вечером он не удосужил меня даже привычного: «Всего доброго, Лессон».

К обочине подкатил автомобиль, и слова застряли у меня в горле. Сердце резко увеличилось в размерах, мешая дышать.

Стекло опустилось, и я увидела Питта, который приветливо подмигнул, молча указывая на пассажирское сиденье. Подхватив сумку, я пошла к машине, бросив через плечо Нилле:

– Увидимся позже!

– Ага, конечно, – без энтузиазма отозвалась она.

Прохладная обшивка сиденья обожгла кожу. Платье задралось, обнажая бедра. Взгляд Питта скользнул вниз, затем вспорхнул к моему зардевшемуся лицу.

– Так, значит, ты дашь мне шанс? – на его губах мелькнула самоуверенная улыбка.

Его приторное обаяние слегка отрезвило меня, заставив пробудиться прежнюю недоверчивую Лимму.

– Куда поедем? – поинтересовалась я. – Если честно, не знаю ни одного кафе поблизости.

– Доверишься моему вкусу? – он смотрел мне в глаза, окутывая флером спокойствия, поэтому я ответила без раздумий:

– Договорились.

Местом, которое он выбрал для нашего первого свидания, стал «Феникс», пижонское и жутко дорогое кафе, куда бы я не вошла под страхом смерти. Для таких заведений я была чересчур домашней.

– Ты не хочешь сюда, так? – со вздохом безысходности проговорил Питт, останавливая машину на стоянке.

Парень закусил губу, раздумывая, а затем вдруг произнес:

– Может, в парк?

– Отлично. Самое то, правда.

Мы переглянулись. Питт тихо рассмеялся и вышел из машины, спеша к моей дверце. Галантно распахнув и подав руку, он позволил мне на секунду поверить в сказку. Наши руки приникли друг к другу, ладонь к ладони. Электрический ток прошиб меня от пяток до макушки, заставив думать о самом желанном и страшном одновременно – о сексе.

Каптийский парк был местом довольно тихим. Высокие кованые ворота были всегда открыты. За ними виднелись асфальтовые дорожки с белыми бордюрами и длинные деревянные лавочки. Этому парку, кажется, больше полувека. Здесь росла секвойя, привезенная еще с Земли, и ее вид потрясал: почти сто метров в длину и пять в обхвате. Кроме того, здесь были вольеры с животными, а в пруду плавали рыбы. Вот сколько полезного можно узнать об этом парке, заглянув как-то на досуге в брошюрку, что местные защитники природы раздают на остановках.

Парк посещало много народа, но он был так велик, что казался почти безлюдным. Это натолкнуло меня на мысль об интимности и романтичности, и о собственной глупости, ведь парк предполагал полное уединение.

Купив несколько гамбургеров и содовой, мы нашли лавочку под одним из фонарей.

– Не поверишь, но я не бывал здесь с самого детства, – вымолвил Питт, разворачивая еду, – и уж тем более не ел гамбургеров лет сто.

– Это чертовски вкусно на самом деле, – одобрила я, – но я тоже ем их редко. У меня немного чокнутое семейство, если ты не заметил. Ба уверена, что фастфуд – это от дьявола.

Питт рассмеялся, и я поддержала его.

– Действительно вкусно, – проговорил он, набивая рот. – Так, значит, ты из Катригана?

– Да, а еще я ситайка.

– И как тебя угораздило…

– Здесь все обращают на это внимание. Ситайки редкость в Каптике, я уже поняла.

– У вас своеобразная внешность… ситайки очень красивы.

– У нашей расы нет преимуществ перед людьми, скорее наоборот. Лиртона развивалась слишком медленно, и когда человек пришел на нашу планету, он посчитал, что ситайцы примитивны, – говорить о подобном в присутствии парня, который нравился, было довольно сложно, – просто ситайцы развиваются позже, чем люди. Эта особенность сглаживается с годами, но в детстве она изрядно портит жизнь. Мама отдала меня в школу в семь, потому что полагала, что ее дочь способна на большее, чем любая ситайская девочка. На Лиртоне детей отдают в школу не раньше двенадцати, вот так-то. Это в порядке вещей, но моя мама считает по-другому.

– И, наверно, она права.

Я поджала губы.

– И все-таки многим ситайцам тяжело пробиться, потому что их считают недостаточно… умными. И наивными.

Питт поймал мой взгляд, вымолвил серьезно:

– Ну, тебя я точно не могу назвать наивной, Лимма.

Я промолчала, но только потому, что я как раз и была наивной. Это можно было скрыть от окружающих, но только не от самой себя. И я всегда боялась повторить судьбу матери, влюбившись и доверившись тому, кто разобьет сердце.

– Между нами есть и другое отличие, – сказала я тише, чувствуя жар, бросившийся к щекам, – в физиологии…

– О, я слышал об этом, – произнес Питт, тоже краснея, – эта особенность касается только женщин?

– Угу.

– И это правда? Ну… то, что говорят?

– Что в постели с ситайкой может получить удовольствие даже импотент? – хмыкнула я. – Ну, вроде того.

Мы оба замолчали. И зачем я только подняла эту тему?

– Мне нужно быть в девять дома, – сказала, рассеянно глядя на зажигающиеся фонари, – нужно позаботиться о маме.

– Я отвезу, не волнуйся, не опоздаешь.

Мы выкинули мусор в урну, и Питт поинтересовался, подвигаясь ко мне на лавочке:

– Не замерзла?

– Нет, все нормально.

Представить страшно, что он дотронется до меня. Наверно, потому что мне очень этого хочется… И, наверно, Сайверс понимает меня без слов. Его горячая ладонь скользит по спине, обхватывает за плечо, притягивает к себе. Через секунду я уже в мужских объятиях, трясусь от переполняющих меня эмоций. Во рту сухо, сердце безудержно колотится.

– Я не сделаю ничего противозаконного, Лимма, – шепчет Питт в висок, чувствуя мою дрожь.

Я ощущаю себя полнейшей дурой. Больше всего меня страшит мысль, что он догадается, насколько я неопытна. О, лучше провалиться сквозь землю!

– У тебя мягкие волосы, – Сайверс утыкается лицом куда-то за ухо, жарко дышит, вдыхает аромат моих волос. – Ты так приятно пахнешь…

От его шепота волна мурашек прокатывает по всему телу, а низ живота обволакивает тепло.

Это даже лучше, чем сон. Со мной происходит нечто – веки тяжелеют, дыхание учащается, мне хочется ощутить Питта, его вкус, запах, тяжесть его тела.

– Лимма… – его губы жадно находят мои.

Я просто открываю рот, ощущая, как Питт обхватывает мою нижнюю губу, затем верхнюю, а затем его язык проникает в меня. Ощущения настолько сильные, что между ног появляется влага. Я стыдливо всхлипываю и отстраняюсь.

Питт не сделал ничего плохого, но вид у него взволнованный, возбужденный.

– Прости, – хрипло выдыхает он, – слишком рано, да? Я не должен был… только не уходи.

Господи, его реакция настолько искренна и импульсивна, что я готова в ту же секунду ему отдаться. Знал бы он, что творится со мной, когда он рядом, когда касается, наконец, когда просто смотрит вот так.

– Все нормально, я просто…

– Ты никогда этого не делала?

Отведя взгляд, я старалась придумать что-то стоящее в ответ или тактично сменить тему.

– В этом нет ничего плохого, Лимма.

Мне не удалось скрыть горький смешок.

– В двадцать лет странно не уметь целоваться, – проговорила, не поднимая взгляда.

– Нет, это потрясающе, – он помедлил, прежде чем сказать то, что собирался: – Я еще ни разу не встречался с девственницей.

О, черт…

– Лучше не заостряй на этом…

– Прости… – вымолвил он.

Мы замолчали, испытывая неловкость.

– Рядом с тобой я чувствую себя неполноценным, – вдруг усмехнулся Питт, – ты идеальная, а я… у меня много недостатков.

– Шутишь? Ты лучший футболист университета, богатый и красивый. С таким набором любые недостатки не имеют никакого значения.

– А ты циничная, – хмыкнул он и рассмеялся.

Было около девяти, когда Питт привез меня домой. Как и обещал. Впрочем, он, к удивлению, не позволял себе ничего лишнего. Вернее, ничего того, чего я сама бы не хотела.

– Спасибо, – произнесла я прежде, чем выйти из машины.

– Увидимся завтра?

– Если хочешь.

– Хочу, – поспешно выдохнул он, – очень хочу, Лимма.

Он медленно наклонился ко мне, давая понять, что намеревается сделать. Кончики его пальцев коснулись моей скулы, легко провели до уголка губ. Я не отстранилась, послушно принимая прощальный поцелуй – глубокий, раскованный и зажигательный.

За все приходится платить, даже за собственную рассеянность.

Доктор Баргер редко посещал собственный кабинет, находя себе применение в лаборатории. Но ради меня он изменил привычкам. Он убрал со стула ворох бумаги, поставил этот стул перед столом, на который имел обыкновение присаживаться во время беседы.

– Садись, Лимма, – довольно мягко произнес он, – нам нужно серьезно поговорить. – Итак… – начал, убедившись, что я действительно сижу и внимательно слушаю. – Я разочарован. За несколько дней тебе удалось кардинально изменить мое мнение о себе. Лимма, в чем дело?

У меня было сотни ответов, но ни один не звучал так правдиво, как прозвучало бы: «Я, кажется, влюбилась в Питта Сайверса».

– Лимма, ты понимаешь, о чем я говорю? – сердито вымолвил Баргер, скрещивая на груди руки. – В Каптике за место в этой лаборатории сотни студентов готовы продать душу.

– Я исправлюсь.

Мужчина громко и устало вздохнул.

– Исправишься? Не вижу к этому никаких подвижек. Если так продолжится, я буду вынужден сообщить Хейвуду.

Он был вправе сделать это уже сегодня.

– Я не уверен, что ты настолько одержима наукой, как должно ученому. Может, ты выбрала не ту стезю, Лессон? Может, твое призвание стать женой и матерью и печь пироги мужу? Если так, то незачем терять время и занимать чье-то место.

Подумай об этом.

Мои щеки пылали от стыда. Наверно, за всю жизнь я не слышала ничего более унизительного.

– Меня интересует исключительно наука, доктор Баргер.

– А может, тебя интересует что-то другое? Вчера биоинженерия, сегодня мальчишка из местной команды, а завтра еще что-то?

Я едва не вскочила со стула, но вовремя опомнилась.

– Моя личная жизнь… – начала я, но мужчина бестактно перебил:

– Твоя личная жизнь никого не волнует, пока не ставит под удар работу, за которую здесь отвечаю я.

Доктор Баргер отлично умел читать нотации, особенно если был безоговорочно прав. Я слишком сильно увлеклась Питтом, что не могло остаться незамеченным.

– Я даю тебе последний шанс, – произнес мужчина, отталкиваясь от стола, – ты должна понять, к чему стремишься и чего хочешь от этой жизни. Расставь приоритеты.

После ухода Баргера я еще несколько минут сидела в полной тишине, сжав кулаки. Не думала, что когда-либо настанет день для подобного разговора. Это словно кошмар, в который я попала после грез о Сайверсе.

Я совершенно не злилась на Баргера. В некотором роде вся его жизнь крутилась вокруг науки, и он прекрасно знал, что значило посвятить себя ей полностью. Он был женат, и его жене, убеждена, впору возводить памятник. Баргер никогда бы не смог ценить ее больше, чем то, над чем он ежедневно трудился в лаборатории.

Глава 5

Лучшим примером самоотверженности была моя мать.

Гарверд любила работу больше, чем кого-либо: Дейну, меня, собственную жизнь. Не будучи прикованной к креслу, она выпадала из жизни на долгие месяцы, пока работала над каким-либо проектом. Ее не было со мной в детстве, и меня воспитывала Дейна, которая ревниво относилась к любым отсутствиям моей матери. Я помню их скандалы, вечное непонимание и упреки, которые они сыпали друг на друга.

Теперь же моя мать терпеливо выполняла все, что говорила ба.

После беседы с Баргером я чувствовала себя разбитой чашкой. Мысли о Питте стали казаться преступлением. В одной плоскости не могла существовать ответственная Лимма-стажер и рассеянная Лимма-влюбленная-дурочка. Кому-то из них придется уступить место.

Сайверс заехал за мной ровно в семь. К тому времени я была полна решимости поставить точку и уничтожить какую-либо из моих ипостасей.

Питт, как всегда неотразимый, встречал меня, стоя у машины. Увидев его, я испытала легкую слабость и прилив крови к щекам. Платье, в которое я вырядилась, стало жутко неудобным.

– Привет, – парень нерешительно приблизился, обхватывая ладонью мои пальцы.

Поразительно, каким он мог быть неловким и взволнованным. На футбольном поле он был подобен богу, а здесь, со мной, нервничал, как мальчишка!

Рядом с ним я все время думала о сексе. Грязно и постыдно, как самая последняя дрянь! Это было большой проблемой, потому как воплотить все то, о чем мечтала, я боялась до смерти. Даже прикосновения вызывали в моем организме настоящий шок, свойственный разве что слабоумным.

– У тебя такая нежная кожа, Лимма…

Питт наклонился ко мне, скользнул сухими губами по виску к уху и зашептал:

– Хочешь чего-нибудь необычного сегодня?

В голове не осталось ни одной мысли, только вспышки острых ощущений, заставляющих сердце биться втрое чаще. И это было так приятно, что я не смела дышать.

Мужские губы прижались к моему уху и открылись, влажный горячий язык коснулся мочки. Такая откровенно идиотская ласка заставила меня трепетать от возбуждения.

– Лимма… Лимма… – зашептал Питт гортанно, тихо и жадно.

Он отстранился, чтобы взглянуть на меня. Взглянуть прямо в глаза, на дне которых искрились запретные желания. В выражении его лица не было и намека на пошлость, напротив, Питт был серьезен как никогда. Он вновь приблизился, медленно и вожделенно. Его глаза горели, как два уголька.

Он заставил меня широко раскрыть рот, как если бы я хотела откусить гамбургер, а затем вторгся языком, разрушая в моем сознании все рамки приличного. При этом его руки, ставшие вдруг грубыми, стиснули меня, прижали к себе. Все происходящее вышло из-под моего контроля, словно попавшая в паутину бабочка еще могла что-то контролировать. Поясницей я почувствовала обжигающую сталь автомобиля, к которому мы прислонились, а затем Питт ткнулся в меня… прижался бедрами так сильно, что я почувствовала его эрекцию.

– Вот черт, – вспыхнув, я отпрянула. Довольно резко, надо сказать.

Я все еще чувствовала его вкус, тонкий мускусный запах лосьона для бритья, ощущала, как горят и пульсируют губы.

Секунда растерянности. Мы оба думали, как сгладить момент.

– Прости, я слишком увлекся, – виновато проговорил Питт, распахивая дверцу машины, – поедем куда-нибудь?

Меня колотила дрожь. Казалось, я только что спрыгнула с парашюта, а не целовалась с парнем. И не просто целовалась! Питт Сайверс возбудился, черт возьми!

– Да… – смущенно пролепетала в ответ, – как хочешь.

Мой взгляд метнулся в район его ширинки. Вот проклятье!

– Тебе надо быть дома в девять?

Ровно в девять, как чертовой школьнице.

– Да.

– Тогда я знаю, где тебе понравится, Лимма, – лукаво усмехнулся парень. – Запрыгивай в машину.

Питт водил уверенно и непринужденно и был безумно притягателен за рулем. Он спокойно болтал ни о чем, перестраиваясь из ряда в ряд, а я наблюдала за его руками, представляя, как они блуждают по моему телу.

– И куда мы едем? – спросила, переводя взгляд на его идеальный профиль.

– Увидишь.

Ему хотелось порадовать меня. Господи, если бы я знала, что Питт Сайверс может быть таким романтиком!

Пирс «Южный пик». Морские волны разбивались о скалы, надвигающиеся сумерки сходились над горизонтом, а пылающие лучи заходящего солнца устилали трепещущую дорожку на морских гребнях. Рай для влюбленных. А вместе с тем здесь была довольно уединенная бухта с закрытым каменистым пляжем.

– С ума сойти, – прошептала я, осознав для чего Питт привез меня сюда, – ты хочешь нарушить закон?

– Только не говори, что ты никогда не была на этом пляже.

– Вообще-то никогда.

– Так, может, стоит попробовать? – хитро прищурился Питт, испытующе на меня взирая. – Хочешь, мы туда проберемся? Тайно, а?

Мне оставалось только гадать, почему столь нелепое предложение вызывает у меня столько немого восторга?

Конечно, я хочу проникнуть на этот пляж, ведь там полно охраны и если нас поймают, то сообщат моей матери и в университет. И если об этом узнает Баргер, и еще хуже Хейвуд, меня выставят вон без возможности восстановиться.

– Идем, – Сайверс потянул меня к ограде.

– Там есть охрана…

– Ага, и это очень круто!

Он, пожалуй, бывал здесь часто, ибо знал, где находился тайный вход. Металлическая сетка была искусно отогнута, будто бы ожидая нас.

– Это ты сделал? – прошипела я изумленно, когда он ловко юркнул в получившийся проход.

Вместо ответа Питт схватил меня за руку, втаскивая следом.

– Бежим!

На полусогнутых мы пробежали до лодочного домика, мимо поста охраны, избегая света прожектора.

– Ты рехнулся! – пискнула я, едва сдерживаясь от смеха.

Легкий морской бриз кружил над нами. Я жадно вдохнула свежий аромат, поймав на себе взгляд Сайверса.

– А ты, оказывается, плохая девочка, Лимма, – усмехнулся он, неожиданно притягивая меня к себе и быстро целуя в губы. – А теперь побежали!

Не успела я опомниться, как Питт снова потянул меня, и мы быстрыми перебежками добрались до скал и скрылись за ними.

Море бушевало, обдавая нас соленой прохладой. Парень вел меня вдоль берега к одиноко стоящему выгнутому камню.

– Это парус, – бросил Сайверс, – здесь самое лучшее место из всех, что есть на этом пляже.

Оно и вправду завораживало, а каменный парус неплохо скрывал от смотрящих с вышки.

Питт вдруг откинул булыжники у основания паруса, извлек сумку.

– А ты неслабо подготовился, – усмехнулась я, когда он потянулся к замку.

– Еще бы, – он извлек тростниковый коврик, небольшую круглую свечу, два пластиковых стаканчика и бутылку.

– Это что? Вино? – хохотнула я. – Да брось?

– Только не говори, что ты не пьешь, – отозвался Питт, – оно коллекционное и стоит кучу денег.

– Но это не значит, – усмехнулась я, – что оно окажется вкусным.

– Маленькая зануда, – одарил меня улыбкой Питт, вынимая из кармана зажигалку и поджигая фитиль свечи. – Только не смотри на меня вот так. Я ни хрена не смыслю во всей этой романтической фигне, просто мне показалось, что это тебе понравится.

– Особенно отсутствие штопора.

– Твою мать! – сокрушенно вздохнул Сайверс.

– Может, сходить, спросить у охраны? – подтрунивала я.

Питт снова вскинул глаза. Пламя свечи вспыхнуло, освещая его лицо. Чертовски красивое лицо и взгляд, в котором пробуждался животный интерес.

– Да ты издеваешься надо мной, – лукавая улыбка возникла на его губах, – это нечестно, Лимма. Я ведь хочу сделать тебе приятно.

– Мне приятно.

Он покачал головой.

– Пока еще нет, но обещаю, что будет.

Он отставил бутылку, взял меня за руку и заставил опуститься на коврик.

– Ты, наверное, думаешь, что я настоящий кретин, раз забыл штопор, да? – прошептал парень.

Я не успела сказать ни слова. Он обхватил ладонями мое лицо и припал к губам.

Нас окутывал густой вечерний воздух и грохот морских волн. Его и меня, как одно целое.

– Какая же ты сладкая, Лимма… – зашептал Питт, прерывая поцелуй, чтобы отдышаться.

Его пальцы очертили контур моих губ, спустились по подбородку к шее, скользнули по трепещущей жилке, по ключице и ниже, к груди, а горячий рот Сайверса приник к нежной коже за ухом, покрывая поцелуями.

Я закрыла глаза, погружаясь в негу. Я падала, падала и падала в самую бездну адски жаркого холода. Противоречивая дрожь охватила тело. Жажда, возбуждение, паника – вот что я чувствовала.

Первая пуговичка на лифе платья расстегнулась буквально сама собой – так невесомо и неощутимо порхали руки Питта. Я даже не поняла, как оказалась в лифчике. Платье было спущено до талии. Жадные ладони коснулись груди, легонько сжали, сминая белое кружево, открывая взору ореолы сосков.

Сайверс задышал чаще, утыкаясь лицом мне в висок, не отрывая взгляд от представившегося зрелища. А мне стало безумно стыдно, правда не настолько, чтобы я остановила Питта от следующего: его большой палец прошелся по горошине соска, заставляя его затвердеть и сладко заныть.

Я закусила дрожащие губы, едва не задохнувшись от удовольствия. Однако Сайверс намеревался владеть и ими. Жарко шепча что-то, он облизал мой рот, буквально пожирая его. Чтобы проникнуть глубже, парень обхватил мой затылок, притянул.

Питт дышал так, будто только что пробежал пару кругов по полю.

Его тело напрягалось, становясь каменным. И со мной что-то происходило: внутри, внизу живота, наливалась пульсирующая тяжесть.

– Лимма… – твердил Питт снова и снова мне прямо в губы, а затем с упоением терзал их.

Гормоны бушуют, как ненормальные. Я сжимаю колени и вдруг чувствую, что рука Сайверса, его пальцы, скользят под юбку, по бедру. Так сладко, мучительно медленно и пугающе. С моих губ срывается хриплый вдох, и я задерживаю дыхание, сосредоточившись лишь на этом, последнем, прикосновении – на дьявольски приятном скольжении к самому сокровенному.

Питт касается краешка моих трусиков, невесомо ведет рукой к лону, наваливаясь на меня, принуждая лечь. Его губы настойчивы и неугомонны. И я отчетливо понимаю, что он заведен до предела, даже больше, в голове мелькает до ужаса откровенная мысль: «Сейчас все произойдет, Лимма. Ты хочешь этого? Действительно хочешь?»

Не успеваю осознать, что лежу под ним. Мое платье болтается где-то на талии, а Сайверс запускает руку мне между ног. Прекрасно понимаю, что сейчас он почувствует, как я промокла.

– Питт… – попытка свести бедра не привела ни к чему.

Мало того, уверена, Сайверс уже неспособен остановиться. Для него все еще горит «зеленый».

Пламя свечи трепещет, но вдруг яркий свет врезается в нас, слепит.

– Посмотри-ка на эту парочку! – слышится где-то.

Стоит отдать охране должное – они иногда появляются вовремя.

Глава 6

Питт каким-то чудом успевает схватить бутылку. Будто она – самое важное сейчас.

У меня сердце колотится от резкого всплеска адреналина, а еще оттого, что я толком не успела натянуть верх от платья.

И мы оба почему-то ржем, как придурки.

Лучи фонарей врезались в наши спины, пересекали путь, выхватывая из мрака отгиб в сетке, к которому мы неслись со всех ног.

Я слышала хриплое дыхание догонявших так близко, что моя душа уходила в пятки. Но, черт возьми, я никогда так не веселилась!

Правда, смеяться мне расхотелось сразу же, как только чья-то рука дотянулась до моих волос, рванула назад, заставляя меня упасть с резким вскриком боли.

Питт сразу остановился.

– Проклятье! – свет фонаря замигал, затем поскакал по камням.

Два мужских силуэта несколько секунд боролись, а затем один из них схватил меня за руку.

И мы снова побежали.

Я слегка оцарапала плечо о сетку, когда мы выбирались. И плевать! Это было просто крышесносно!

– В машину! – закричал Сайверс.

Однако ни он, ни я так и не успели в нее заскочить и унестись прочь.

Питта повалили двое, а я замерла сама, стоило лишь услышать команду: «На землю! Живо!»

И каково же было наше удивление, когда милое приключение закончилось в полицейском участке. Конечно, мы не предполагали, что все может зайти так далеко. Проникновение на охраняемую территорию – это же сущий пустяк, думали мы. Ох, как мы ошибались.

– Я позвоню матери, она заплатит штраф, – убежденно сказал мне Питт, прежде чем его увели в кабинет со стеклянной дверью, через которую я могла наблюдать, как его допрашивают.

Времени тогда было около одиннадцати вечера, и я прекрасно знала, что Дейна сходит с ума от волнения.

Я сидела в коридоре под пристальным наблюдением одного из полицейских, который не спускал с меня глаз и похабной улыбочки со своего лица. На противоположной стене красноречиво тикали круглые часы с белым циферблатом. А в участке текла размеренная рутинная жизнь.

Питт все еще сидел за стеклянной дверью, когда в коридоре раздались торопливые шаги. Женщина, которой, казалось, не было еще и сорока, ухоженная, строгая и холодная, будто изображение на картинке, стремительно приближалась. У нее были светлые блестящие волосы и идеальный макияж. Строгий деловой костюм и маленькая сумочка с золотым ремешком, которую она держала в одной руке, добавляли ей солидности. За ней шагал мужчина в сером костюме с папкой, который не переставая бубнил, что «это всего лишь досадное недоразумение, и вскоре все прояснится».

Проходя мимо меня, незнакомка чуть напряглась, скосила глаза, и наши взгляды столкнулись. При этом я не испытала ничего приятного – меня будто окатили помоями.

Женщина и ее сопровождающий вошли в кабинет, и мне пришлось ждать еще полчаса.

Я наблюдала за происходящим, видела, как Питт устало ерошит волосы, затем трет переносицу, пока женщина, которая, судя по всему, была его матерью, ведет спокойную беседу с сидящим за отполированным столом мужчиной. Наконец, они договариваются о чем-то, и все вместе поднимаются. Щелкает дверной замок.

– …Я бы не хотела, чтобы этот инцидент стал достоянием общественности, – выдержанно говорит женщина, – все-таки наша семья весьма известна в Каптике, и мне бы не хотелось, чтобы о личной жизни моего сына трепались на каждом углу.

– Это не попадет в прессу, я вас уверяю, – доносится голос мужчины.

Питт, который идет рядом с матерью, находит меня взглядом – уставшим, несколько смущенным взглядом.

– Лимма Лессон, я полагаю, – его мать останавливается напротив меня, – я уладила твою проблему, – в голосе никаких эмоций, кроме легкого пренебрежения, – надеюсь, ты доберешься до дома самостоятельно?

– Мама, я… – вклинивается Питт, но та не слушает.

– Может, позвонить твоей матери? – спрашивает у меня, а сыну бросает: – Ты не сядешь за руль! Я тебе не позволю, ясно, Питт? – затем снова ко мне: – Так что? Мне позвонить?

– Моя мама прикована к инвалидному креслу, бабушка не умеет водить, а отца у меня нет.

– Весьма сожалею. Кто может тебя забрать?

– Боюсь, никто, я вызову такси…

Ее глаза неприязненно сощуриваются.

– Нет, так не пойдет. У тебя разве нет друзей?

– Я бы не хотела…

– Ты ведь учишься вместе с моим сыном? – перебивает женщина.

– Я стажер у доктора Баргера.

– Отлично. Я его знаю. Сейчас позвоню ему, и он приедет.

У меня внутри все похолодело. Я, пожалуй, перестала дышать и побледнела так, что Питт проговорил раздраженно:

– Мама, мы можем ее довезти.

Его мать, медленно перевела взгляд на сына и молча достала телефон, явно демонстрируя и ему и мне, что этого никогда не будет. Она приложила телефон к уху, а я взглянула на часы, с ужасом отмечая, что уже за полночь.

– Доктор Баргер, простите, что побеспокоила вас так поздно, – елейно произнесла женщина в трубку, – ах, вы еще не спите. Отлично… Нет, все в порядке. Дело касается, одной вашей стажерки. Ее зовут Лимма Лессон. О, вы знаете, о ком идет речь. Замечательно. Так вот, она попала в участок и ее никто

не может отвезти домой. Мне бы не хотелось сажать девушку на такси. Я хочу быть уверена, что она доберется до дома. Так вы приедете? Это просто восхитительно. Всего вам доброго, доктор Баргер. И еще кое-что… – она вдруг развернулась и пошла по коридору прочь, – мой муж обязательно продолжит финансирование ваших экспериментов, но мне бы хотелось, чтобы в вашей лаборатории трудились ответственные специалисты. Вы понимаете, о чем я? Вот и хорошо. А теперь доброй ночи, доктор.

Я откинулась на спинку стула, полностью обессилев. Вся моя жизнь рухнула в одну секунду.

– Все обойдется, – Питт присел напротив меня на корточки, положив ладони поверх моих рук, – я что-нибудь придумаю, вот увидишь. Не вешай нос, договорились?

Мне хватило уверенности лишь на краткий кивок.

– До завтра, Лимма, – Сайверс чмокнул меня в висок и направился вслед за матерью, а мне оставалось считать секунды до апокалипсиса.

Не думаю, что Баргер не спал этой ночью. Вид у него был помятый: волосы растрепаны, под глазами тени от усталости, ворот его ветровки смешно завернулся внутрь.

Когда мы сели в машину, после холодной молчаливой встречи и слов: «За мной, Лимма», я не выдержала первой:

– Простите, этого никогда не повторится больше…

– Ты пила?

– Что?

Он повернул голову, повторив медленнее:

– Пила что-нибудь?

– Нет.

– Может, под кайфом?

Я энергично замотала головой.

– Тогда не пойму, что у тебя вместо мозгов, Лимма?

Я залилась румянцем, чувствуя себя самой последней идиоткой. Баргер умел возвращать рассудительность даже Лимме-влюбленной-дурочке.

– Я просто…

– Ты влюбилась в него, что ли?

Господи Всевышний! Я прикрыла веки, желая, чтобы этого момента просто не было, чтобы я просто умерла, сейчас же в этот гребаный миг!

– Мне не хочется говорить с вами об этом, – тихо, почти беззвучно произнесла я.

– Да ну? Вас застали голыми на пляже, а ты не хочешь говорить мне об этом. Какая досада. Ты хоть понимаешь, кто такой Питт Сайверс?

– Игрок местной команды, – мой голос похож на писк.

– Да ладно? Прям глаза мне открыла. А я всего лишь считал, что он сын Эттона Сайверса, от которого Каптийский университет и моя лаборатория получают неплохие инвестиции. Хейвуд молится на него днями и ночами, и будет делать все, что тот попросит, даже если его сыночек начнет мочиться Хейвуду в кофе.

– При чем здесь я?

– Ты начинаешь задавать правильные вопросы, и меня это радует, несмотря на то, что я примчался сюда в час ночи. У тебя голова начинает работать слишком поздно, Лимма. Но, если ты хочешь знать, при чем здесь ты, послушай, пожалуйста, внимательно. В моей лаборатории не будет места подружке Питта

Сайверса, у которой при виде этого сопляка мокнут трусы. Ты понимаешь?

Баргер никогда не позволял себе таких фраз. Он вообще был предельно тактичен, но, видимо, не этой ночью. И вместо того, чтобы молча проглотить сказанное, я вдруг возмутилась:

– Вам должно быть плевать на мои трусы…

Мужчина изогнул бровь, несколько секунд молча рассматривая мое негодующее лицо, а затем усмехнулся:

– Я, кажется, очень плохо тебя знаю. Если бы ты с таким пылом работала в лаборатории…

– Я всю себя посвятила лаборатории, – злость вдруг вытеснила последние крохи стыда, – я с тринадцати занимаюсь наукой двадцать четыре часа в сутки. Но я ведь живой человек! Притом мне уже давно есть восемнадцать! Почему я должна отчитываться перед вами? Какое вы имеете право…

– Тише-тише, Лимма, – вдруг совсем мягко произнес мужчина, – чего завелась с полоборота? Мне, знаешь ли, плевать с кем ты спишь. Я просто не хочу, чтобы это затрагивало меня и мою работу, в которую я вкладываю столько сил. В тебе же должна быть хоть капля совести, чтобы уважать чужой труд? Так? Тогда ты должна понимать, что мне проще попрощаться с тобой, чем терять инвестора, вроде Эттона Сайверса. На кону стоят исследования, которым я посвятил немало времени. И я не буду рисковать всем из-за ситайки, у которой бушуют гормоны.

Я молчала, вновь осознавая, насколько прав Баргер.

– Что я должна сделать? – прошептала подавленно.

– О, Лессон, с этим не ко мне. Ты же сама можешь определиться, верно? Я в таких делах плохой советчик.

– У меня есть шанс остаться в вашей команде?

– При условии…

– Что я больше не стану встречаться с Питтом?

– Какая умница. Эти встречи не приносят удовольствия его родителям.

Я долго молчала, силясь не разреветься.

– А если я его люблю?

Баргер вздохнул, откинулся на сиденье, глядя на залитый светом фонарей асфальт стоянки.

– А ты в этом уверена?

– Наверно.

– Но раз наверно, то, конечно, дерзай. Жени его на себе, роди детишек и будь счастлива. Что мы обсуждаем здесь вообще?

– Не знаю.

– Ты действительно веришь, что у тебя с ним есть будущее? Ты талантлива, Лимма. Намного талантливее всех, кого я знаю. И ты хочешь похоронить все это ради парня, который не пропускает ни одной юбки? Серьезно?

– Я не знаю… нет… я…

– Не знаю… я… – передразнил мужчина, – у тебя полно времени, Лимма, чтобы принять решение. До твоего дома больше получаса, и ты скажешь мне, что решила, когда мы доедем.

– Хорошо, – просипела я, чувствуя себя полностью раздавленной.

– А завтра я даю тебе выходной, потому что ты мне уже осточертела. И потому что мне пришлось двадцать минут объяснять жене, почему мне среди ночи звонят женщины.

– Что?

– Помимо Сайверс, мне оборвала трубку твоя бабуля. Кто только дал ей мой номер?

Я прижала ладони к лицу, тихо чертыхаясь.

– Ну все, успокойся уже. Я сказал ей, что найду тебя даже в преисподней и привезу домой.

– Спасибо…

Баргер хмыкнул и повернул ключ в замке зажигания.

Глава 7

Выходной день среди недели – настоящее испытание.

Я сидела на заднем дворе с мамой. Солнечный свет заливал наш сад, заставлял жмуриться. Из тени крытой террасы я наблюдала за бабушкиными розами, расцветшими красивыми нежными бутонами, и шмелем, кружащим над ними. Он был опьянен их запахом, их цветом и жаждал напиться нектара. И ему было плевать, розы перед ним или другие цветы, он просто следовал извечному закону природы. Странно, почему эта мысль не дает мне покоя?

Я взглянула на маму. Сегодня она сама выбрала для себя платье – светло-зеленое, до самых пят. Последнее время ее такие мелочи мало интересовали, но не сегодня. Это радовало. Кроме того, впервые за несколько месяцев она позволила подключить синтезатор речи. И теперь я наблюдала, как медленно и слабо ее палец касается экрана.

Иногда Дейна забывала, что ее дочь, хоть и парализована, но так же умна, как и прежде. Устраивая мне ночью скандал, она не могла и подумать, что мама проснется и услышит все от первого до последнего слова.

«Ты влюблена? – произнес компьютерный голос. – Вчера я слышала ваш разговор. Ты влюблена в Питта Сайверса?»

Я отложила книгу, облокотилась о плетеную спинку лавки, щурясь на солнце.

– Это не имеет никакого значения. Из-за этого я чуть было не вылетела из лаборатории.

«Нет. Это имеет значение».

Мама была человеком амбициозным, про таких говорят: «с характером». Она всегда говорила напрямую, правда, уже несколько месяцев она пребывала в состоянии жуткой депрессии, со дня на день ожидая смерти. Она уже давно смирилась с тем, что ее болезнь не поддается лечению и что весь научный мир от нее отвернулся, но самым страшным ударом для нее стала атрофия лицевых мышц и неспособность говорить. Каждый глоток воды или прием пищи превращался для нее в испытание. Наверное, поэтому она отказалась от синтезатора речи и всеми силами старалась умереть как можно раньше.

Как же я была благодарна ей за желание просто поговорить. Мне так не хватало разговоров с мамой, что я едва смогла скрыть дрожащую улыбку.

– Сейчас я считаю, что должна заниматься наукой. Это ведь правильно?

«Чего ты хочешь?»

Этот вопрос я задавала себе тысячу раз за эту ночь.

– Хочу, чтобы мои исследования помогали людям.

«Сможешь посвятить себя науке без остатка, понимая, что твой вклад все равно останется лишь каплей в море и тебя забудут, когда ты придешь в негодность?»

– Я не знаю. Я не могу довольствоваться каплей в море. Я рассчитываю на большее.

«Чтобы достичь чего-то большего, чем ты есть, надо чем-то жертвовать, Лимма. Семьей, спокойствием, собственным здоровьем. Посмотри на меня. Это стоит того?»

– Я не представляю себя вне науки.

«Тогда не дай никому сбить себя с толку. Ты не должна быть привязанной к чему-либо и кому-либо, когда перед тобой откроются новые перспективы. Я говорю не только о мужчинах, но и о себе. Я не хочу стать обузой собственной дочери, когда она стоит на пороге своей мечты. Я буду очень горда тобой, Лимма, если ты добьешься того, чего не смогла я, – палец моей матери последний раз ткнулся в экран и опустился».

И вместе с этими словами, звучащими в моей голове, в сознании крепко засела мысль: «Я способна на большее. Я, черт возьми, способна на все».

И хотя я уже дала слово Баргеру, что порву с Питтом, я не могла не утвердиться в правильности этого решения.

В мой выходной день случилась еще одна беседа, с Ниллой. Она позвонила вечером, сообщив, что женская половина Каптики рвет и мечет, узнав, что Питт Сайверс связался с заучкой и занимался с ней сексом на закрытом пляже.

– И это правда? – спросила подруга. – Ты можешь и не говорить, конечно, это не мое дело. Просто интересно, Сайверс действительно так хорош, как о нем болтают?

– Между нами ничего не было.

– Я и не настаиваю.

У Ниллы всегда было свое мнение на все.

– Может, погуляем сегодня, раз уж у тебя вынужденный выходной? – предложила она. – В парке? Помнишь тот заброшенный парк у озера, где стоит чертово колесо? Увидимся там через час.

Наша прогулка обещала быть запоминающейся. Чего только стоила открывшаяся панорама, которую нам довелось лицезреть, войдя на территорию бывшего парка: старая билетная касса с покосившейся вывеской и облупившейся краской, заросшие травой детские лошадки, разрушенные асфальтные дорожки и, конечно же, гиганты-аттракционы.

Парк был не совсем диким, время от времени сюда наведывались влюбленные парочки.

– Ты действительно отказалась от работы в Вейсмунде? – спросила Нилла и, заметив недоумение и даже раздражение на моем лице, добавила: – Брат сказал, что Баргер искал перспективного студента для работы с доктором Такером.

Я остановилась, как и мое сердце.

– С кем? – нет, я прекрасно расслышала это имя, мне просто было нужно пару секунд перерыва.

«Кей Такер». Этим именем расшиты все мои самые смелые иллюзии и желания. Он был богом современной биотехнологии. Ему предлагали место директора института генетики в Баролле, но он ударился в область клинической иммунологии. Из-за сомнительности экспериментов, которые он проводил, он потерял работу, но приобрел бешеную популярность, изложив суть экспериментов в своих книгах. Несколько лет назад он стал первым человеком, сумевшим вырастить искусственные легкие и пересадить примату.

– Он сейчас работает в Вейсмунде? – лишь пролепетала я.

– Вроде бы, – отозвалась Нилла, – и я слышала, что в связи с отменой запрета клонирования его лаборатория может получить солидный грант на исследования и Такер набирает стажеров. Мой брат уже подал заявку на перевод, но, ты же понимаешь, что попасть в эту команду – один шанс на миллион.

Я некоторое время молчала, погрузившись в тягостные раздумья, и в них было все: горькое разочарование, сожаление, паника.

Мой мир медленно рушился. Я мечтала о работе с Такером, а лучше сказать – грезила. Нилла совершенно права – один шанс на миллион. И кажется, я упустила его. Человек, на которого я хотела равняться, к которому хотела приблизиться, поговорить, даже просто побыть рядом, чтобы насладиться его присутствием, теперь недосягаем. И только я виновата в этом. Да, мой мир рушился.

Но рухнул окончательно лишь вечером, когда я вернулась домой.

Спокойный глухой вечер. В холле тихо. Я кладу ключи на тумбочку, вешаю на крючок сумку и зову Дейну. Дом по-прежнему безмолвен. Я и подумать не могу, что моя хреновая жизнь изменится в следующую секунду:

– Лимма! Ингалятор! Быстрее!

Я уже знаю, что означает этот крик. Кидаюсь на второй этаж в комнату ба, чтобы судорожно распахнуть верхний ящик ее комода. Слишком сильно дергаю за ручку – ящик выпадает на пол. Рыскаю на коленях, пока не нащупываю в ворохе бумаг баллончик.

В маминой комнате горит лишь маленький прикроватный ночник. Тихие сдавленные хрипы матери всегда так истерично страшны, что я прихожу в ступор. Ее голова зажата в ладошках ба, глаза приоткрыты, изо рта течет вязкая слюна.

– Быстрее, Лимма! – торопит Дейна, и ее голос дрожит от напряжения и страха.

Наши движения доведены до автоматизма. Я сажусь на кровати, мы приподнимаем маму, я крепко держу ее голову, а ба втискивает у нее между зубами ингалятор и делает несколько впрысков.

– Вот сейчас… – тихо шепчет при этом Дейна, – сейчас уже станет легче, дорогая… ты дыши… спокойно… дыши…

А потом мы сидим в безмолвии и ждем, когда рваное дыхание больной восстановится, исчезнут хрипы. Я глажу маму по волосам, убаюкиваю и не могу сдержать слез.

– Ну все, Лимма, – укоризненно и тихо говорит ба, – я с ней побуду. Иди, поешь чего-нибудь…

Никогда в моей жизни не было и не будет ничего страшнее этих моментов. Я знала, что болезнь матери медленно прогрессирует и когда-нибудь Гарверд просто перестанет дышать. Самое отвратительное, что понимание этого давно стало нормой, как для меня, так и для Дейны.

В ее комнате, мимо которой я проходила, царил сотворенный мною хаос. Я толкнула дверь, спокойно вошла и села на пол, рядом с опрокинутым ящиком комода. Дейна негативно относится к попыткам вторгнуться в ее комнату, но разве станет она сердиться, если я приберусь? Мысли продолжали биться в висках, не давая мне сосредоточиться, а между тем я ловко сложила содержимое в ящик, подняла, чтобы вставить в отсек комода. Механически, отрешенно. И не сразу сообразила, что что-то отлепилось от нижней стенки и рассыпалось по полу.

– Черт… – поборовшись с ящиком, чтобы уместить его в полагающийся отсек, я глянула вниз.

Бывает, что жизнь преподносит сюрпризы, не все из которых приятные. Мы чаще всего любим получать письма, но иной раз эти письма не предвещают ничего хорошего.

Где-то в параллельной вселенной, видимо, была запущена часовая бомба, которой суждено поднять всех на воздух именно сегодня.

Я снова села на пол, касаясь писем раскрытой ладонью и понимая, что их много. Их очень много… Десять, а то и пятнадцать. И все они адресованы моей матери.

Я стала вскрывать одно за другим.

«Уважаемая доктор Лессон! Мы почли бы за честь принять вас в штат института…»

«…Гарверд Лессон! Дублируем письмо, так как не получили ответ на предыдущее…»

«…очень бы хотелось видеть вас в коллективе университета…»

«…мы были бы рады, если бы столь замечательный медик возглавил кафедру…»

«…памятуя о вашей болезни, мы готовы предложить вам нашу помощь…»

– О боже… – в горле встал комок, а подо мною буквально разверзлась земля.

В тот же миг заскрипела дверь, и на пороге раздались шаги, а затем и негодующее:

– Лимма! Что ты здесь делаешь?!

Как сигнал к действию. Как красная тряпка для разъяренного быка.

Пожалуй, в тот миг не было ничего более мерзкого и раздражающего, чем голос моей бабушки.

Я развернулась всем корпусом, все еще продолжая сидеть, и глянула на нее снизу вверх, как волчонок. Дейна, конечно, увидела письма, а выражение моего лица подтвердило то, что эти письма я читала.

– Послушай, Лимма, – произнесла она тихо, страшно бледнея, – это не то, что ты подумала.

– Разве?

– Я забочусь о твоей матери. Семья – это все, что у нее есть.

О, я не хотела это слушать. Это было просто предательством!

– Она все это время думала, что от нее все отвернулись. Она корила себя за то, что когда-то предпочла науку, – прорычала я, стискивая в кулаке бумагу, – как ты могла прятать от нее все это?

Дейна медленно закрыла дверь, села на постель, собираясь с мыслями.

– Ты не понимаешь… никто не позаботится о ней лучше, чем я. Я ведь ее мать, Лимма.

– Ты просто… – я задохнулась от возмущения, – ты предала ее! Ты же знаешь, что значит для нее работа! Она умирает здесь! В этой дыре, где ты ее спрятала от всего мира. Но хуже всего, она считает, что о ней забыли!

– Я – все, что у нее есть, – выпалила ба. – Не думай, что ты знаешь о ней все. Ее никогда не было рядом, потому что она грезила медициной и гробила себя. Она была слишком озабочена спасением других, чтобы обращать внимание на свою собственную семью.

– Она могла бы сейчас преподавать! – вскипела я. – Она могла полноценно жить еще долгие годы, вместо того чтобы мучительно умирать здесь! Ты же понимаешь, что мысль о том, что она больше никому не нужна, загоняет ее в могилу!

– Она сама загнала себя в могилу!

– Ты не смеешь говорить так…

– Я знала, что ты не поймешь меня, – перебила Дейна, стискивая зубы, – ты мыслишь точно так же, как и она. Ты так же готова забыть о семье ради карьеры.

– Я никогда не забывала о семье! – прохрипела в ответ.

– Вам все кажется, что вы способны перевернуть мир, – затвердила ба, – что вы созданы, чтобы изменить порядок вещей! Боже, Лимма, ты тоже так считаешь? Какой же это бред, честное слово. Вы всего лишь – две наивные ситайки…

– Это уже слишком, – прорычала я, поднимаясь на ноги.

– Когда-нибудь и ты очнешься от своих грез!

Я резко бросилась к двери и вырвалась наружу, нервно глотая воздух.

Я, наверно, никогда не была бунтаркой, но после случившегося разговора мне хотелось послать все к чертовой матери и просто испариться. Даже отличница по имени Лимма Лессон нуждалась в глотке свежего воздуха.

Схватив ключи, я бросилась на улицу, быстро зашагала по тротуарной дорожке. Сейчас бы мне не помешал стаканчик-другой горячего глинтвейна… Это было бы куда лучше, чем спустя полчаса оказаться перед дверью доктора Баргера с покрасневшими глазами и неуемным желанием излить ему душу.

«Кому-кому, но только не ему, – должно было подсказать сознание, прежде чем открылась дверь».

– Д…добрый вечер… могу я увидеть доктора Баргера?

Передо мной стояла его жена. Конечно же, так она и должна выглядеть. Стройная красивая шатенка со скептическим, рассерженным взглядом.

– А вы?

– Я его стажер… из университета…

– И ваше срочное дело не может подождать до утра? – усмехнулась она, бросая взгляд на наручные часы.

Конечно, может. Оно и неделю подождет без проблем. Просто… Лимма Лессон – та еще заноза в заду, которой вечно везет на неприятности!

Я молча пячусь с крыльца и, следуя по дорожке, слышу, как захлопывается дверь.

Смешная штука – мне так погано, что я совсем не думаю о Питте. Даже странно, почему.

Моя прогулка не могла окончиться менее феерично, как и начало этого проклятого дня – внезапно полил дождь. Самое, мать его, время.

Пожалуй, мне нужно домой, чтобы продемонстрировать ба, что мои истерики ничего не стоят. Я ведь никогда не расскажу о том, что она сделала, матери. Это слишком ранит Гарверд… или убьет…

– Нравится погода, Лимма? – раздалось вдруг.

Доктор Баргер был менее всего похож на человека, которого заботят проблемы хоть одного своего стажера. Но между тем его наспех надетая рубашка, взъерошенные волосы и отсутствие зонта говорили об обратном. Я даже стала подумывать о том, что слишком плохо разбираюсь в людях.

– Я еще могу рассчитывать на место в Вейсмунде? – ответила вопросом на вопрос.

Мне представилась возможность рассмотреть этого человека – высокого, худощавого и отстраненно-холодного.

– Шутишь? – он остановился.

Дождь все еще лил: вокруг нас, между нами. Лил непроглядной стеной.

– Нет. Я хочу уехать в Вейсмунд. Как можно раньше.

– А как же твоя мать?

– Она поймет.

Доктор Баргер скрестил на груди руки и изогнул бровь.

– Ты говоришь об этом после всего, что случилось?

– Я заставила вас сомневаться в себе, – сказала, перекрикивая шум дождя, – но теперь все изменилось. Я приняла решение.

– Поздравляю, Лимма. Но ты забываешь о том, что я еще не принял.

– Вы же знаете, что я готова…

– Постой-постой, – усмехнулся мужчина, – давай обсудим это утром. Сейчас не время пороть горячку… Я вижу, – он склонил голову, пронзая меня проницательным взглядом, – тебе совсем хреново. Пойдем, выпьем кофе, а потом я отвезу тебя домой.

И это было дельное предложение.

Глава 8

Сидя на кухне в доме доктора Баргера, я чувствовала себя отвратительно и неуютно. Его жена, которую звали Темпли, принесла нам полотенца и сварила крепкий кофе. Оставаться с нами на кухне она не собиралась и тактично удалилась.

– У вас… – почему-то смутилась я, – очень хорошая жена…

Баргер задержал дымящуюся чашку у губ, вскинув брови.

– И на этом спасибо, Лимма. Пей свой кофе живей.

Я приникла к чашке, делая маленький глоток и обжигая язык. Я понятия не имела, о чем можно говорить с таким человеком, как Баргер.

– Уверен, ты знаешь, кто такой Кей Такер, – он сам нашел тему для разговора, и весьма удачную.

Я уверенно кивнула.

– Он довольно сложный человек, и не каждый способен с ним ужиться. Люди науки весьма тщеславны и горды. Если откровенно, Такер – несносный, харизматичный и невероятно упрямый эгоист, который родную мать продаст ради своих экспериментов. Поступая к нему, ты должна понимать, на что

подписываешься. Он любит ломать людей, проверять их на прочность. Он циничный и жестокий мерзавец, но, не спорю, самый настоящий гений.

– Доктор Баргер, все это я уже знаю.

Мужчина недоверчиво поджал губы.

– Тебе будет там чертовски сложно, Лимма. Потом не просись назад, договорились?

– Назад? – фыркнула я. – Да вы даете мне самый настоящий билет в жизнь. Я не упущу этого шанса.

– Хотелось бы в это верить.

Он задумчиво пил кофе, а я терзалась мучительным вопросом, который решила задать только спустя пару минут.

– Откуда вы знаете Такера?

– Когда моя мать решила выйти замуж второй раз, я узнал, что у ее будущего мужа довольно несносный сын, который младше меня на четыре года и который по всем правилам должен стать моим братом.

– Вот черт… – не успела я скрыть удивление.

– Не то слово, – по губам доктора скользнула усмешка. – А теперь скажи-ка мне, что помогло тебе принять решение?

Что ж, откровение за откровение.

– Вы будете смеяться.

– Это вряд ли. Я лишен чувства юмора.

– Раз так, то слушайте: я верю, что способна изменить мир.

Баргер довольно серьезно глядел на меня.

– Вроде Супермена, Лимма? – одарил одной из своих умилительных улыбок.

Обещал же не смеяться! Хотя мне самой хочется от души похохотать над наивностью прозвучавшей фразы.

– Вроде того… – проворчала недовольно.

Наверно, Баргер видел во мне что-то, что заставляло его слепо в меня верить. И мне было невдомек, что именно.

– У тебя есть деньги на перелет? – озаботился он насущными вопросами, о которых я совсем забыла.

– Я что-нибудь придумаю.

– Это ни к чему. Я оплачу билет.

Я так сильно сжала чашку, что она едва не лопнула в моей ладони.

– Нет, доктор. Я сама. Вы и так сделали для меня слишком много…

Его очередная улыбка заставила меня умолкнуть.

– Лимма, я знаю, что тебе не платят стипендию. Перелет в Вейсмунд стоит немалых денег.

– Именно поэтому… – попыталась возразить я.

– Потом вернешь. И давай уже закроем эту тему. Когда доберешься, жить будешь в общежитии. Я обговорю этот момент с Такером.

Тело отчего-то наливалось свинцом от каждого произнесенного слова, а сознание мутилось. Кажется, я пребывала в состоянии полнейшей

дезориентации.

– Даже не знаю, что и сказать… – прошептала я, – спасибо.

– Это не ради тебя, Лимма, – усмехнулся Баргер, – и даже не для Такера. Это ради науки. Когда ты будешь готова уехать?

– В ближайшие дни.

– Ты уже говорила об этом с матерью?

– Пока никто не знает.

– И даже Сайверс? – мужчина откинулся на спинку стула, внимательно заглядывая мне в лицо.

– И даже Сайверс. Наверно, так будет лучше.

Это просто бегство. И я и Баргер прекрасно осознаем, что у меня кишка тонка сообщить об этом Питту.

– Хорошо, – соглашается доктор.

Следующие пять минут мы усердно делаем вид, что погружены в размышления. Признаться, мне жутко неловко рядом с Баргером. Чувствую себя мотыльком в прозрачной банке.

– Ну что, Лимма, – заметив это, произнес мужчина, – поехали, я отвезу тебя.

Моя одежда ничуть не высохла, да и у Баргера тоже. После всего, что он сделал, я чувствовала себя последней сволочью, заставляя его среди ночи выходить из дома.

– Вам бы переодеться, – пожала я плечами, – я могу доехать на такси…

– Лимма, на сей раз никакие возражения не принимаются. Но, пожалуй, я и вправду переоденусь. Подожди меня в гостиной.

Он проводил меня в просторную комнату с темно-синими занавесками и усадил на диван. Его шаги, раздавшиеся на лестнице, стихли на втором этаже. Я осталась в одиночестве. И черт меня дернул глянуть на каминную полку с фотографиями, на которых Баргер был запечатлен совершенно не таким, каким я его знаю. Через секунду я уже с любопытством разглядывала снимки, с нескрываемым трепетом подмечая, что вторгаюсь в святая святых этого человека – его личную жизнь. Мужчина на рыбалке в обществе друзей – никогда бы не подумала, что у Баргера есть друзья, на другом снимке – он с супругой, а вот и свадебное фото…

Тихий короткий сигнал заставил меня вздрогнуть. Я обернулась, находя взглядом стационарный телефон. Он не трещал без умолку, он просто звякнул, будто кто-то с параллельного набирает номер. Баргер? Неужели позвонит Дейне? Или, быть может, его жена звонит подруге…

Во всяком случае, это не мое дело.

Но если так, почему я стою рядом с телефоном, а мое сердце начинает учащенно стучать? Я смотрю на дверь, на неподвижные тени на полу, отбрасываемые лишь мебелью, и прислушиваюсь к мертвой тишине дома.

Мои пальцы, ставшие ватными, обхватывают трубку, медленно и осторожно снимают, а затем я подношу ее к уху, думая: «Какого черта я сейчас делаю?»

– …доктор, это весьма хорошие новости. Конечно, я переведу вам деньги…

Этот голос в трубке мне знаком – знаком до тошноты. Скажу больше, я мгновенно понимаю, кто кому звонит и зачем. И это просто отвратительно.

– …билет в Вейсмунд стоит немалых денег, госпожа Сайверс. Плюс мне предстоит довольно напряженный разговор с братом, так как он лучше руку себе отрежет, чем возьмет в команду двадцатилетнюю девчонку, да еще и ситайку… довольно милую. Он презирает женщин, особенно хорошеньких.

– Я уверена, вы все сделаете, как надо.

– У нее хороший уровень, госпожа Сайверс, но этого недостаточно, чтобы стать частью команды Такера.

– Вложения моего мужа в ваши проекты могут послужить отличным стимулом поломать голову над этим вопросом.

– Конечно…

– Я не хочу, чтобы она встречалась с моим сыном. У него совершенно иные перспективы, нежели пустой трах с какой-то ситайкой. У него есть невеста, доктор. И мы с мужем очень рассчитываем, что период, когда Питт затаскивал в постель первых попавшихся девчонок, пройдет. Если раньше мы спускали ему это с рук, то теперь его репутация нам невероятно важна. Его невеста из той семьи, где заботятся о своем имени, а эта ситайка будто грязное пятно. Вы же понимаете, как нам важно безболезненно и тихо от нее избавиться.

– Да.

– И, разумеется, доктор, мы не останемся перед вами в долгу.

– Очень вам благодарен.

– Все ваши расходы будут покрыты.

– Вы невероятно щедры.

– Доброй ночи, доктор Баргер…

Я положила трубку, чувствуя себя так, будто меня окатили ледяной водой и выставили на холод. Кирпичики уверенности и спокойствия обрушились, похоронив меня под обломками. Меня – уверенную в своей уникальности Лимму Лессон. А ведь я когда-то считала, что Баргер помогает мне, потому что я перспективный ученый, а не потому что перешла дорогу семейству Сайверс. Это просто критический удар под дых, от которого сложно оправиться.

– Ну что, Лимма, готова? – бодро спросил Баргер, заходя в гостиную. – Поехали?

Во мне поднялась горячая волна: от живота до самой макушки. Мужчина стоял и глядел на меня так, словно не было того ужасного разговора между ним и матерью Питта, словно он всегда желал мне добра, и все произошедшее – простое недоразумение.

Я поднялась, сохраняя видимое спокойствие, не зная, как поступить: бросить ему в лицо обвинения или выждать?

Мы молча вышли во двор, где был припаркован автомобиль. Пока Баргер убирал с сиденья какие-то вещи, мой разум наполнялся протестом – я просто не могла сесть с ним в одну машину.

Мужчина расположился за рулем, недоуменно взглянул на меня, не понимая причину промедления.

– Лимма, садись уже. Замерзнешь.

– Позвольте один только вопрос, – я склонилась к окну, положила локти на опущенное стекло, вглядываясь в лицо доктора и чувствуя жгучую боль досады в груди: – Вы в меня верите?

– Что?

– Хоть на йоту вы верите, что я смогу чего-то добиться?

Баргер задумчиво пожевал губами.

– Тебе нужно мое мнение? – спросил он.

– Я знаю ваше мнение, – ответила, не спуская с него глаз, – ваше мнение таково, доктор Баргер: вы считаете, что надо быть законченным эгоистом и полным придурком, лишившим себя радостей жизни, чтобы добиться чего-то на поприще науки. Вы полагаете, что надо жертвовать всем, чтобы достичь результата и работать годами, просиживая штаны в лаборатории. Но знаете что: не всем дано оставить свой след в истории. И необязательно жить с нелюбимой женщиной,

терпя ее стряпню, ездить на старенькой машине, быть профессором генной инженерии, выращивая кукурузу и капусту, и настоящим подонком, готовым на любую подлость ради жалких инвестиций, чтобы чувствовать себя непризнанным гением, которым никогда не стать. Надо иметь нечто большее.

– Ты о чем это?… – оторопело проговорил он, хмурясь.

– О том, что я доберусь до Вейсмунда самостоятельно, как и до своего дома. И не стоит обременять вашего брата никчемной ситайкой. Он и без ваших трудов возьмет меня на работу, – я вздохнула, задумчиво постучала пальцами по стеклу и оттолкнулась: – И еще, доктор Баргер, у меня есть цель, которую я достигну, независимо от вас или кого-то другого.

Скрестив на груди руки, я пошла прочь по мокрой лужайке.

– Лимма, ты свихнулась совсем? – раздалось за спиной. – Куда одна? Что случилось, черт бы тебя… – хлопок дверцы и торопливые шаги следом.

Этот человек вознамерился меня догнать. И с каждым его шагом я свирепела все больше.

– Может, объяснишь, в чем дело?

«Катись ты к чертовой матери», – хотелось прорычать мне.

– Ты слышала этот разговор, да? – вдруг усмехнулся он.

Усмехнулся?! Будто не произошло ничего страшного, будто все, что он говорил госпоже Сайверс, – сущая пустяковина.

– Да, слышала и…? – спросила я резко и нервно.

Баргер некоторое время молча шел следом, отставая разве что на шаг или два.

– Ты все усложняешь, Лимма… – устало проговорил он вдруг. – И этот твой поучительный монолог…

Я желала, чтобы под этим человеком разверзлась земля и его поглотила огненная геенна.

– Надеюсь, вы почерпнули из него много нового, доктор!

– Особенно про настоящего подонка и капусту.

Ответить на это было решительно нечего. Я быстро шла по тротуарной дорожке вдоль живой изгороди кустарника. Если бы только я могла по щелчку пальцев оказаться дома!

– Лимма, ты ведешь себя, как ребенок, – заметил Баргер. – Вместо того чтобы поговорить, ты убегаешь.

– Чего вы ожидали от двадцатилетней девчонки… особенно ситайки?

– Заметь, я назвал тебя довольно милой.

– Это, конечно, вас оправдывает.

Мужчина тихо рассмеялся, а затем выругался. Правда, не отстал.

– Ты заставляешь меня бегать за тобой, Лимма. А ведь я уже не мальчик. Сбавь хотя бы шаг.

Этот лицемер ничуть не запыхался.

– Просто оставьте меня в покое и все. Я уже достаточно большая девочка, чтобы ходить ночью одна.

– Ну, уж нет. Я не собираюсь нести за тебя ответственность, случись вдруг…

Я резко остановилась, потому что неведомая пружина, которая растягивалась все это время, наконец, лопнула.

– Вам просто не хочется терять деньги, которые не переведет на ваш счет госпожа Сайверс, в случае, если я вдруг задержусь в Каптике. И не надо смотреть на меня вот так, доктор… так, будто я заблуждаюсь. Я слышала все, от первого до последнего слова. И да, я подслушивала, и мне ничуть не стыдно. И катитесь вы, доктор, к дьяволу со своей мнимой заботой и рассуждениями о самоотверженности и преданности ученого делу.

– Опять ты кипятишься раньше времени, Лимма, – довольно спокойно произнес мужчина, закладывая руки в карманы джинсов и пожимая плечами, – разве в том, что происходит, есть что-то трагичное? Ты получишь работу, о которой мечтала, не потратив ни гроша, я – солидный вклад на исследования, семья Сайверс – спокойствие и безмятежность. Посуди сама, все складывается очень удачно.

– Кроме одного! Вы меня используете!

– Я просто извлекаю выгоду из сложившейся ситуации. Так поступают разумные и практичные люди. А я именно такой.

– Так поступают настоящие мерзавцы…

– Эй-ей, за эти слова ты можешь лишиться не только возможности уехать в Вейсмунд, но и стажировки в Каптике…

– Да вы в зад меня должны целовать, доктор, – несдержанно выпалила я, – я просто ваш счастливый билетик. И как разумный и практичный человек вы будете смиренно терпеть.

– Ты меня переоцениваешь. Мое терпение отнюдь не железное.

– И все-таки вы еще здесь. Раз уж я у вас поперек горла, так оставьте меня в покое. Мне ничего от вас не нужно, ясно?

– Но между тем у тебя совершенно нет денег на перелет.

– Я заработаю.

– Интересно, как? Попросишь у Питта?

– Это вас не касается!

– Убежден, он согласится выложить сумму и покрупнее за возможность затащить тебя в постель.

Всевышний, эти слова произнес мой руководитель, глядя мне в глаза и ничуть не смущаясь! И, похоже, он сам понимает, как гнусно это прозвучало.

– Из нас двоих, доктор, – задыхаясь от обиды, прохрипела я, – только вы берете деньги за свои услуги.

– Не ровен час, все изменится, – парировал он.

Еще ни один человек не намекал на то, что я могу быть просто жадной до денег шлюхой. Ведь речь идет о зубрилке и отличнице Лессон! Никому и в голову не придет, что я лягу в постель к человеку, который заплатит за это деньги. Никому, кроме Баргера, вероятно.

– И как у вас только язык повернулся… – произнесла я возмущенно.

– Половина моих студентов мечтает об этом. Ты не замечала? – усмехнулся мужчина. – Просто у Питта оказался карман шире. Он умеет произвести нужное впечатление на девушку.

– Ч… что? – не могу поверить, что доктор несет подобную чушь на полном серьезе.

– Наверно, он тоже наслышан о том, что ситайки способны удивить в постели даже самого требовательного любовника…

– Вы… что…

– Об этом трепались на каждом углу, стоило тебе появиться в Каптике. Какая экзотика…

Мои кулаки разжались, и я довольно неумело, но ощутимо треснула доктора Баргера по щеке, заставив его, наконец, заткнуться.

– Ты ударила меня? – после минутной паузы спросил мужчина, будто этот факт еще находился под сомнением.

Его глаза сверкали удивлением и жгучим недовольством. Наверно, он полагал, что я преспокойно буду слушать все те жуткие вещи, о которых он посмел вещать с самым серьезным и умным видом на свете. Он потер щеку, хотя не думаю, что я причинила ему невообразимую боль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/romova_elena/sindrom-otlichnicy

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить